

БЕЗМОЛВНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

■ ДЕНИС ПРОЗДОВ

ДЕТЕКТИВ ПРО ЛЮДЕЙ И НЕ ТОЛЬКО

Безмолвный свидетель.
Детектив про людей и не только

Денис Дроздов
Белая ворона

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дроздов Д.

Белая ворона / Д. Дроздов — «Эксмо»,
2016 — (Безмолвный свидетель. Детектив про людей и не
только)

ISBN 978-5-699-91262-9

Есть такая поговорка: мастерство не пропьешь. Ветеринарный врач Глеб Звоницкий гостит в усадьбе крупного московского банкира Караулова. Все вокруг располагает к отдыху – и комфортный дом, и природа, и живописное озеро. Да вот только опыт да интуиция ветеринара подсказывают Глебу, что лебедям, плавающим на озере, слегка нездоровится. Он решительно лезет в воду, чтобы приблизиться к птицам и поставить диагноз, как вдруг... натывается на труп женщины, лежащий на дне. И началось! Полиция, допросы, показания. Обитатели усадьбы предполагают, что труп может принадлежать невестке банкира Каролине. А вскоре объявляется женщина, назвавшаяся матерью Каролины, которая однозначно опознает труп. Но Звоницкого что-то смущает. Как, впрочем, и домашних питомцев, живущих в усадьбе...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91262-9

© Дроздов Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Денис Дроздов

Белая ворона

© Дроздов Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Изумрудное кольцо ничуть не пострадало, пока ее душили. Убийца утер пот, заливавший глаза, и без сил опустился на траву. Во рту пересохло, колотилось сердце, и руки дрожали – но не от стресса, вовсе нет. Всего лишь от напряжения. Как она цеплялась за жизнь, тварь такая... Как долго сопротивлялась... Все они такие – живучие, как кошки. Но теперь все позади. Самое главное сделано – отлично сделано, по-умному. Конечно, идеальным преступлением это не назовешь... Но близко к этому, на четверочку с плюсом. Теперь остается только подождать. А потом... Потом кто-нибудь решит половить рыбку. И тогда...

Глава 1

– Есть в графском парке черный пруд... Та-дам-та-дам, да-ди-ду-дам. Там лилии... что они там делают? Ах, да, вспомнил... Там лилии цветут... цветут.

Так мурлыкал себе под нос Глеб Аркадьевич Звоницкий, продираясь сквозь заросли камыша и кувшинок. Жаркий майский полдень раскалил воздух до невозможности, и даже над водой дрожало стеклянистое марево, а само озеро застыло в заросших камышом берегах, как мисо-суп с водорослями.

Проклятые лебеди заметили человека издалека и перебрались на другой берег. Там они принялись плавать туда-сюда, нахально поглядывая на незадачливого охотника. Звоницкий высказал себе под нос все, что думает о глупых птицах, и не все из его высказываний можно было бы повторить при детях.

Вообще-то животных Глеб Аркадьевич любил. Именно по этой причине он и выбрал профессию ветеринара. Но сейчас, после получаса сидения в камышах, никаких добрых чувств к водоплавающим не испытывал. Вода оказалась удивительно холодной, даже в такой жаркий день, – видимо, со дна озера били ледяные ключи. Солнце припекало голову, лицо и шею облепили мошки. Честно говоря, когда Глеб пообещал хозяину загородного дома, где гостил вот уже второй день, «взглянуть на лебедей», то не ожидал таких трудностей и лишений.

Самое обидное, что никакой необходимости в этом нет. Птички вполне здоровы и явно не нуждаются в услугах ветеринара. Хозяин озера пожаловался, что лебеди «беспокойно себя ведут и плохо кушают». Ну, после того, как незнакомый человек полдня гонял их по озеру, вряд ли у лебедей улучшится настроение и аппетит... На взгляд ветеринара, птички были вполне упитанными. Всего неделю назад их перевели из зимнего вольера на открытую воду. Может, у них просто стресс? Или им не нравится вода, чересчур холодная для такого маленького водоема? Звоницкому вода тоже не нравилась. Черная, стоячая, абсолютно непрозрачная. Вдобавок от нее поднимался какой-то неприятный запах. Надо будет посоветовать хозяину почистить дно озера...

Звоницкий стиснул зубы и попытался стоять неподвижно. Холод чувствовался даже сквозь болотные сапоги, а комары принялись угрызать через ветровку. Надо разок взглянуть на проклятых птичек вблизи – хотя бы для очистки совести. Хозяин очень уж волновался насчет их самочувствия... Между тем лебеди позабыли о существовании человека в камышах и поплыли на этот берег. Отлично... Два белых и три черных, вся компания, они подплыли совсем близко.

Опасаясь напугать их, Звоницкий отступил на шаг. Как оказалось, это была роковая ошибка. Под ногой шевельнулось осклизлое бревно, и ветеринар с криком рухнул в воду – причем не в сторону спасительного берега, а на глубину.

Ветеринар стремительно погружался на дно. Озеро оказалось удивительно глубоким. Дно озера было завалено упавшими деревьями, за одно из них Звоницкий зацепился рукавом ветровки. Сапоги немедленно наполнились водой и пудовым колоколом потянули ветеринара на дно. Не хватало еще утонуть в этой луже... Глеб сбросил сапоги в ледяную глубину, рванулся, синтетическая ткань разошлась по шву, и ветеринар выскочил на поверхность, кашля и задыхаясь.

Уф, кажется, обошлось. Звоницкий перевернулся на спину, восстанавливая дыхание... и в панике забил по воде руками, отгоняя нечто ужасное. Невообразимо ужасное. Ужасно невообразимое. В общем, труп утопленницы.

Длинные черные волосы шевелились в воде, обрывки зеленого платья из блестящей материи переливались на солнце. Лица у утопленницы не было – так, какая-то грязно-белая

резиновая маска, не понять, где рот, где нос. И глаз не было тоже – в глазницах застыл черный ил со дна озера. Труп лениво колыхался на поверхности.

Звоницкий перевел дыхание и поплыл к берегу, мечтая об одном – как можно скорее оказаться на твердой земле, подальше от ужасной находки. Глеб Аркадьевич уже понял, что произошло. Очевидно, утопленница пролежала на дне довольно долгое время. И если бы он сегодня утром не надумал взглянуть на лебедей, покоилась бы под водой и дальше. Видимо, платье женщины зацепилось за корягу на дне, своим падением Звоницкий освободил тело, и оно всплыло. Просто здорово... Именно о таких выходных он и мечтал...

Глеб Аркадьевич выбрался на берег, нашарил в кармане ветровки мобильный телефон... и вылил из него воду. Ветеринар уселся на берегу, раздумывая, как быть дальше. Между тем лебеди окружили утопленницу и с интересом изучали. Один даже клюнул тело, и остальные зашипели, переговариваясь.

– По-вашему, это смешно? – укорил их Звоницкий. Иногда он разговаривал с животными – когда никто не слышит, конечно. У них же есть уши, верно? И кое-какой интеллект имеется. Он же не просит их отвечать...

Собственно, раздумывать было не о чем. Следовало как можно скорее поставить в известность местную полицию. Но сначала... сначала ему придется испортить выходные милым и гостеприимным хозяевам загородного дома.

Сергей Петрович Караулов долго не хотел верить услышанному. Ему все казалось, что Звоницкий его разыгрывает. Шутит, понимаете ли. Может, у гостя чувство юмора такое... специфическое. Они же познакомились только вчера, и Караулов не успел узнать своего гостя поближе.

Звоницкий, промокший до нитки, лязгая зубами, в который раз объяснял, что это вовсе не розыгрыш, что в симпатичном маленьком озере неподалеку от дома Карауловых и в самом деле плавает труп. Сергей Петрович отказывался верить. Дело пошло на лад, только когда во двор спустился Василий, старший сын хозяина дома. Сорокалетний толстячок мгновенно понял – странный гость не шутит, дело серьезное. Василию Сергеевичу понадобилось всего пять минут, чтобы осознать масштаб катастрофы, постигшей его семейство, и начать спасательную операцию.

Караулов-сын первым делом кликнул жену. Лариса прибежала, стуча каблучками и тараша шоколадные глаза. Василий поручил ей заботу о папаше, и женщина немедленно увела Сергея Петровича в тени, усадила на скамью и поднесла валокордин в рюмочке. Хотя, возможно, это был вовсе не валокордин, а пятидесятилетней выдержки коньяк. Главное, что лекарство подействовало, и старший Караулов порозовел и снова задышал нормально.

Затем Василий подхватил Звоницкого под руку и, ничуть не боясь испачкать светлый офисный костюм, потащил к озеру, приговаривая на ходу:

– Я должен убедиться. Надеюсь, вы меня понимаете...

Звоницкий понимал. И, хотя ему больше всего на свете хотелось переодеться в сухое и меньше всего на свете хотелось видеть труп, ветеринар отвел хозяйского сына к озеру и показал страшную находку. Труп никуда не делся – все так же колыхался на воде.

– Мапочки, – простонал Василий, зажимая рот рукой – то ли от ужаса, то ли по причине тошноты. – Какой кошмар... За что это нам? Что же теперь делать?..

– Звоните в полицию, – мрачно посоветовал Глеб Аркадьевич.

Наряд полиции прибыл спустя десять минут. Такая оперативность объяснялась просто – городок, в котором проживал Сергей Петрович Караулов и его семейство, был невелик – один из бесчисленных населенных пунктов, окружавших столицу. Злобино – так назывался некогда поселок городского типа, а теперь полноценный город – не вошло в городскую черту новой, расширенной Москвы и сохранило все плюсы и минусы дальнего Подмосковья.

Медленная речка в узких берегах, заросли сирени, исторический центр, новостройки по окраинам – одинаковые, как спичечные коробки, и целые кварталы отлично сохранившихся деревянных домов довоенной постройки. В будни городок вымирал – все взрослое население отправлялось на работу в столицу, до которой было три часа езды на электричке и два – на машине по короткой дороге. Однако же Злобино было полноценным территориальным субъектом, и в городе имелись собственное УВД, прокуратура и суд.

На вызов прибыли двое полицейских – один совсем молодой, другой постарше, похожие, словно братья. Они прикатили на новеньком «Форде» с мигалкой на крыше.

– Ну что у вас приключилось? – поинтересовался старший, рослый парень с бледным невыразительным лицом и нижней челюстью, как на советских плакатах – каменно-квадратной и даже с ямочкой.

Звоницкий удивился – парень вел себя не по форме. Может, это такая особенность небольших городов и поселков, где все друг друга знают?

Василий, жестикулируя, как итальянец, и то и дело прикладывая руку к сердцу, принялся рассказывать о страшной находке.

– Пойдем посмотрим, что ли, – с сомнением в голосе протянул старший, прерывая Караулова на полуслове и направляясь к озеру. Василий потрусил за ним, продолжая охать, ахать, задыхаться и излагать подробности. Звоницкий удивился, что полицейский ведет за собой хозяина дома, а не наоборот, а потом сообразил: видимо, молодой человек был уроженцем здешних мест и прекрасно знал, где находится озеро.

Звоницкий отправился следом. На берегу полицейские остановились – в одинаковой позе, один на шаг позади другого, заложив руки в карманы и широко расставив ноги.

– Да-а, дела-а... – протянул старший. Лебеди сгрудились у противоположного берега, а труп по-прежнему плавал в центре озера.

– Хреновые делишки, – подтвердил младший. – Ну чего? Звоним Анатоличу?

– А ты как думал? – сквозь зубы процедил старший и потянулся за телефоном.

С этого момента нормальная жизнь в доме Карауловых прекратилась навсегда.

Спустя полтора часа труп был выловлен из озера, упакован в пластик и отправлен в морг при больнице. По берегу бродили прибывшие вместе со следователем специалисты. Ждали водолаза – собирались обследовать дно озера. А сам следователь сидел на берегу, на складном стульчике и допрашивал Глеба Звоницкого.

– Значит, вы утверждаете, что вы ветеринар. – Следователь недоверчиво перечел последнюю фразу, написанную его же собственной рукой в протоколе.

– Я не утверждаю, я и есть ветеринар.

Звоницкий, уже успевший переодеться в сухую одежду, поискал взглядом, куда бы присесть. Присесть было некуда, а стоять Глеб Аркадьевич устал – чай, не мальчик, возраст к полтиннику. Поэтому Звоницкий повернулся к следователю спиной, в три шага дошел до ближайшего дерева и выкатил на берег здоровенный чурбак – остатки неровно напиленного бревна, которое кто-то не удосужился убрать. Ветеринар уселся на импровизированный табурет и утер лоб белоснежным платком. Жаркий день продолжал радовать живых чудесной погодой.

Правда, теперь оказалось, что Звоницкий смотрит на следователя сверху вниз.

– А если это улика? – мрачно поинтересовался представитель правоохранительных органов.

– Да бросьте, – не выдержал Звоницкий. – Какая еще улика! Дерево спилено недавно. Между тем как труп пролежал в воде не менее полугода...

– Неужели? – оживился следователь. – Вы что, эксперт? Криминалист? Патологоанатом? Как это вы вот так, с первого взгляда, определили?

Глеб Аркадьевич прикусил язык, ругая себя за несдержанность. Незачем этому провинциальному Пинкертону знать о некоторых подробностях биографии Звоницкого. А не то проблем не оберешься...

– Да я так... предположил просто, – пошел на попятный ветеринар.

Следователь между тем внимательно перечитывал протокол.

– Значит, в озеро вы полезли для того, чтобы посмотреть на лебедей...

Следователь, как положено, представился в начале допроса, но крайне неразборчиво, и теперь Звоницкий называл его про себя Эй Алыч. Это могло означать все что угодно. Сергей Михалыч? Алексей Палыч?

– Нет, – отрезал Звоницкий. – Я не собирался *смотреть* на лебедей. Я хотел *осмотреть* их. Как ветеринарный врач, понимаете? Меня попросил об этом господин Караулов, хозяин дома.

– Кстати, как давно вы знакомы с Сергеем Петровичем? – оживился следователь.

– Второй день, – честно ответил Звоницкий, ожидая неприятностей. И точно! Эй Алыч сквозь очки с толстыми линзами уставился на ветеринара.

– Правда? Знакомы второй день, и Сергей Петрович уже пригласил вас пожить у него в доме?

По тону следователя было понятно, что он не верит ни единому слову подозрительного гостя. Глеб Аркадьевич вздохнул.

– Все немного не так. Понимаете, у господина Караулова есть собака, золотистый ретривер...

– А, да, Джерри! – На секунду по губам ведущего допрос мелькнула улыбка. Видимо, он тоже был собачником.

– Да, Джерри. И он свою собаку очень любит. Не так давно я эту псину спас – сделал экстренную трахеотомию. Невестка Сергея Петровича гуляла с собакой и не уследила – пес выскочил на шоссе и попал под колеса джипа. Я случайно оказался рядом.

Эй Алыч терпеливо ждал продолжения.

– Ну вот, после этого господин Караулов был мне очень благодарен, захотел познакомиться поближе и пригласил на несколько дней в свой загородный дом. Так я оказался здесь. Остальное вы знаете.

– То есть о личности найденной вами женщины у вас нет ни малейших предположений, – кивнул следователь. Это было утверждение, а не вопрос.

– Понятия не имею, кто эта дама! – поморщился ветеринар. – Честно говоря, я вообще никого здесь не знаю. Да и с семьей Карауловых познакомился только вчера.

Вчерашнее утро Звоницкий провел в своей ветеринарной клинике. Собственно говоря, он проводил там по восемнадцать часов в сутки – и так последние пару лет. Свою работу Глеб Аркадьевич обожал. Его ассистентка Яна даже шутила, что шеф на своей работе женат и точно так же торчал бы в клинике днем и ночью, даже если бы ему за это не платили. Ну, это, положим, было преувеличение... Но небольшое.

Так что для тех, кто хорошо знал Звоницкого, его поездка в Злобино показалась бы несколько странной. Бросил клинику на молоденькую ассистентку, а сам слинял. Но для следователя не было ничего необычного в том, что человек решил провести несколько чудесных майских дней на свежем воздухе. И только сам Глеб Аркадьевич знал, что виновник всей этой истории не кто иной, как Грязный Гарри...

Между тем прибыли водолазы. Двое крепких парней принялись снаряжать третьего – помогли натянуть поверх шерстяного белья старомодный скафандр грязно-оранжевого цвета, неуклюжие перчатки. Шлем был так тяжел, что на резьбу скафандра его накручивали вдвоем. Помощники помогли водолазу войти в озеро, и вскоре он, тяжело ступая и волоча за собой шланг, скрылся в непрозрачной воде.

– Пашка Чадов, – кивнул в сторону водолаза Эй Алыч. – Наш, злобинский...

В голосе следователя звучала гордость патриота. В темных глубинах озера заметался луч фонаря. Звоницкий совершенно не представлял, что можно найти в толстом слое ила, в антрацитово-черной воде. В конце концов, он сам только недавно погружался в проклятое озеро...

Лебеди в панике метались у берега. Скопление людей окончательно лишило птиц остатков душевного здоровья, но улететь они не могли – Сергей Петрович подрезал им крылья.

– Ну хорошо! – Эй Алыч хлопнул ладонью по протоколу. – Подпишите вот здесь. Пока это все, но не исключено, нам с вами придется еще разок побеседовать...

Звоницкий усмехнулся половиной рта. «Побеседовать», как же... Он привычно и быстро, но очень внимательно прочитал протокол и поставил внизу размашистую подпись.

Эй Алыч утратил к Звоницкому всяческий интерес. Следователь подошел к парням, страховавшим водолаза, и принялся что-то горячо обсуждать с ними, то и дело указывая рукой на воду. Поверхность озера колыхалась, и слабый свет поднимался со дна, где работал Пашка Чадов.

Кто-то тронул ветеринара за локоть.

– Глеб Аркадьевич, уважаемый...

Звоницкий резко обернулся – все-таки после свидания с утопленницей нервы у него были на взводе. Но это оказался всего лишь Василий. Старший сын Караулова так и не попал сегодня на работу и хвостом ходил за следователем, пытаясь быть полезным. Его уже допросили, и теперь Василий Сергеевич маялся на берегу, тоскливо глядя на водолазные работы.

– Глеб Аркадьевич, мне так неудобно... Я хочу извиниться перед вами от лица моего отца и всего семейства Карауловых...

Видимо, Василий пребывал в таком душевном расстройстве, что совершенно не следил за тем, что лепетал. Странно, что Караулов так расстроен – явно больше, чем хочет показывать. Василий поминутно облизывал губы, глаза у него бегали, на лбу выступила испарина. Налицо все признаки сильного стресса. Неужели Василий настолько впечатлительный тип, что выловленная из водоема по соседству с домом незнакомка поставила мужчину на грань инфаркта? Или Караулов что-то скрывает?..

На этом месте Глеб Аркадьевич велел самому себе заткнуться – мысленно, разумеется. Примерный внутренний диалог Звоницкого с самим собой звучал так:

– Вот что, Глеб, немедленно прекрати это безобразие!

– Да ладно, Глеб! Не лезь в бутылку. Что я такого делаю-то?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я. Вот уже три года ты не являешься сотрудником прокуратуры. Ты ветеринарный врач, и очень неплохой, кстати. Вот и занимайся своими непосредственными обязанностями. А преступления... преступления предоставь расследовать профессионалам. Прежняя жизнь закончилась. У тебя теперь все новое – работа, друзья, квартира и машина. Даже внешность... Живи и радуйся.

– Ладно, не горячись. Я все помню. Но не могу же я запретить себе думать! Ведь этот Вася крайне подозрительно себя ведет, согласись? С чего бы сорокалетнему мужику при виде трупа, пусть даже и такого... э-э, жуткого, впадать в мандраж? Он банкир или институтка?

– Глее-еб!

– Ладно, понял. Уже заткнулся...

Внутренние диалоги были для Звоницкого делом обычным. В качестве собеседника и оппонента выступал он сам, но только прежний – до взрыва. Этот человек и нынешний Глеб Аркадьевич были, конечно, похожи – но не слишком. Как два брата-близнеца могут быть совершенно разными людьми.

Дело в том, что три года назад Глеб Аркадьевич Звоницкий, сотрудник столичной прокуратуры, карьерист и перфекционист, кошмар для подчиненных и равнодушный муж, вежливый негодяй сорока пяти лет от роду, по дороге на работу погиб при взрыве начиненной гексагеном машины.

Его спасли – вытащили с того света. Целых две минуты он был мертв. И довольно долго был чрезвычайно зол на врачей за их самоотверженную работу. Ну кто их просил?! Он ведь даже ничего не успел почувствовать: просто вспышка, удар – и темнота.

А жизнь требовала усилий – каждый вдох давался с трудом, боль была бесконечной и изматывающей, вдобавок ко всему первое время не было никакой гарантии, что Звоницкий снова сможет ходить и что к нему когда-нибудь вернется зрение. Родители Глеба давно умерли, с женой он развелся незадолго до несчастного случая, детьми они так и не обзавелись... В общем, никто бы не заплакал, если бы Звоницкий не выжил.

Но он выжил. Заново научился ходить – поначалу на костылях, а потом с палкой. Приучил себя смотреть в зеркало на свое отражение – прежде красивое лицо (из тех, что называют *импозантными*) превратилось в месиво шрамов. Зрение вернулось – правда, не сразу. И оказалось, что жить Звоницкому совершенно незачем.

С работой пришлось расстаться по состоянию здоровья. Вместо очередной ступеньки карьерной лестницы, на которую он карабкался последние полгода, Глебу досталась неплохая пенсия. И палка – ее подарили коллеги, провожая Звоницкого на пенсию. Они желали здоровья и отводили глаза...

Сначала Звоницкий пил. Потом пить устал. Однажды морозной ночью он вышел покурить на балкон – и обнаружил себя стоящим на ящике для цветов. Оставалось сделать всего один шаг.

Звоницкий сделал шаг, правда, не вперед – в холодную пустоту, – а назад, в прокуренное тепло комнаты. На следующее утро Глеб позвонил риелтору. Он продал квартиру в центре, поселился в новостройке в зеленом пригороде, и оставшихся денег как раз хватило для того, чтобы открыть ветеринарную клинику. Звоницкий завершил ветеринарное образование – когда-то он бросил учебу по настоянию жены, но сейчас ничто не мешало вернуться к любимому занятию. Дела в клинике шли неплохо. Вот только с ассистентами Глебу Аркадьевичу не везло – он сменил шестерых, прежде чем встретил Яну Казимирову.

Кстати, познакомились они благодаря Джерри – золотистому ретриверу семейства Карауловых. Яна помогла ветеринару провести экстренную трахеотомию – на шоссе, под проливным дождем, и Звоницкий был настолько впечатлен, что позвал Казимирову в свою клинику. Яна была надежной, как скала, – папа-военный закалил дочке характер, и Глеб Аркадьевич без колебаний оставлял клинику на ассистентку, когда ему самому срочно требовалось уехать.

Занятый своими мыслями, Звоницкий не очень-то прислушивался, что там бормочет Василий Караулов. Но вот бормотание стихло.

– Что, простите? – переспросил ветеринар.

– Вам, наверное, неприятно здесь оставаться после того, что произошло, – повторил последнюю фразу Василий. – Думаю, вы хотите уехать, причем как можно скорее.

Звоницкий бросил быстрый оценивающий взгляд на собеседника. Эге, а Василий-то не так прост, как кажется на первый взгляд... Кажется, толстячок трудится в банке под крылом у папаши, Караулова-старшего. И любую фразу начинает со слов: «Папа сказал... папа думает... папа будет доволен...»

И вот он говорит от своего имени, причем недвусмысленно дает понять – присутствие постороннего в доме Карауловых нежелательно, гостю следует как можно скорее собрать вещи и свалить восвояси. Что бы это значило, а?

«— Слушай, Глеб! Этот человек явно что-то скрывает! Ты что, не видишь? Ты ведь заметил...

— Заметил, не слепой. Угомонись, Глеб. Ты сюда приехал отдыхать или делать за местных сыскарей их работу? Так что топай собирать сумку и не забудь плавки...»

Завершив внутренние разборки со своим альтер-эго, Звоницкий приятно улыбнулся Василию и сообщил:

— Разумеется, я немедленно уеду. Я ведь рассказал следователю все, что знал. Поэтому, если меня никто не задерживает...

Звоницкий, мастер словесных дуэлей, повесил многозначительную паузу.

Тут Василий слегка устыдился. Все-таки ветеринар был гостем, которого пригласили пожить в доме. Конечно, было бы замечательно, если бы проклятый гость, от которого, к слову, столько неприятностей, убрался бы побыстрее... но ведь следовало соблюсти кое-какие приличия... И развеять даже тень возможных подозрений.

Поэтому Караулов виновато улыбнулся и заявил:

— Ну зачем же так торопиться. Когда весь этот кошмар...

Василий широким жестом обвел берег, водолаза, который как раз выходил из воды, и остальных полицейских.

— ...весь этот кошмар закончится наконец, мы надеемся, что вы не откажетесь отобедать с нами. Моя супруга со вчерашнего дня хлопочет. И главное — папа так мечтал наконец пообщаться с вами в спокойной обстановке...

Звоницкий покосился на водолаза. Помощники отвинчивали гайки на его шлеме. Ну до чего же допотопное здесь оборудование... Хотя вряд ли в Злобине часто проводятся подводные работы. Здесь и водоемов-то нет — речка по пояс глубиной да вот это лесное озеро.

— Благодарю, у меня что-то совсем пропал аппетит, — поморщился ветеринар. — Знаете, я лучше поеду.

На физиономии Караулова отразились смешанные чувства — вежливое огорчение и с трудом скрываемое облегчение.

В этот момент водолаз — его наконец освободили от громоздкого снаряжения — что-то весело заорал следователю, который сидел в тенечке на своем раскладном стуле. Эй Алыч приблизился, да и остальные столпились вокруг, разглядывая находку. Следователь вдруг обернулся и уставился на Караулова. На ладони у Алыча сверкало и переливалось что-то зеленое — точно кучка битого бутылочного стекла.

Звоницкий с интересом наблюдал. Значит, не зря водолаз Пашка Чадов шарил по дну озера! Судя по всему, находка важная. Интересно, что это у них там?

Звоницкий скользнул взглядом по лицу Василия Караулова... и поспешно отвел глаза. Физиономия толстячка выражала неопиcуемый ужас и отвращение.

— А впрочем, знаете, что? — неожиданно для самого себя задумчиво произнес ветеринар. — Пожалуй, я все-таки останусь на обед.

Криминалисты, следователь и водолазы давно покинули место страшной находки, когда семейство Карауловых собралось наконец в просторной столовой на первом этаже загородного дома. Две девушки в черных платьях и белоснежных кружевных передничках прислуживали за столом. Сергей Петрович Караулов был большим ценителем хорошей кухни, и блюда были выше всяческих похвал. Караулов соблюдал старинный русский обычай — перед едой подавались закуски: икра, рыба, водочка в запотевших графинчиках, а уж потом собственно обед.

Звоницкий переоделся в легкий костюм из натурального льна и наслаждался кондиционированной прохладой. Глеб Аркадьевич участвовал в легком застольном разговоре — разумеется, на тему сегодняшнего происшествия было наложено строгое табу. Глаза ветеринара скользили по лицам собравшихся.

Сегодня за столом присутствовало все семейство Карауловых, и впервые со дня приезда Глеб Аркадьевич мог хорошенько их рассмотреть.

Существует теория, согласно которой люди похожи на животных. Кто-то на лебедя или, к примеру, лань, кто-то на тигра или медведя. Ну а кто-то может насладиться своим сходством с носорогом. Женщины частенько напоминают кошек, а мужчины смахивают на собак...

Мало того, некоторые зачастую необычайно напоминают своих четвероногих питомцев. И не совсем понятно – то ли хозяин выбрал собачку в соответствии со своим характером и темпераментом, то ли за время совместной жизни они так притерлись друг к другу, что сделались похожи. Следовало признать, что определенный смысл в этом есть – ветеринару часто приходилось видеть такие парочки. Одна из таких наглядных иллюстрация как раз сейчас сидела напротив Звоницкого за столом.

Лариса, супруга Василия Караулова, до смешного походила на своего золотистого ретривера Джерри. Длинные волосы тон в тон совпадали с цветом шерсти собаки, карие глаза смотрели на мир с дружелюбным интересом, и даже привычку встряхивать головой, прогоняя любую мало-мальски неприятную мысль, Джерри, очевидно, унаследовал от хозяйки.

Строго говоря, ретривер принадлежал Караулову-старшему. Подарили на день рождения. Но семидесятипятилетнему тучному мужчине было не угнаться за активной молодой собакой, поэтому с Джерри начиная со щенячьего возраста нянчилась Лариса.

На взгляд Звоницкого, ретривера вконец избаловали. Особенно после того случая на шоссе, когда его сбила машина и хозяева едва не потеряли любимца. Несчастному песику разрешали все: есть со стола, валяться на кроватях... Джерри поправился удивительно быстро – молодой и здоровый собачий организм взял свое. Но было уже поздно – песик не собирался сдавать отвоеванных позиций.

Вот и сейчас Звоницкий почувствовал, как что-то холодное и влажное ткнулось в щиколотку. Ну конечно, под столом разлегся Джерри! Глеб Аркадьевич нежно, но непреклонно отпихнул собачий нос. Кормить пса со стола – нет, такого ветеринар не мог себе позволить. Хуже этого только поедание ботинок и лужи по углам...

Джерри послушно убрался – как любая нормальная собака, он сразу же понимал, у кого стоит просить подачки, а с кем лучше не связываться. Лариса вдруг замерла, а потом незаметно опустила под стол руку с кусочком курицы. Понятно, хитрый пес выбрал беспроигрышный вариант и переместился к хозяйке.

– Такого жаркого мая синоптики не отмечали с тысяча девятьсот семьдесят восьмого года! – неожиданно сообщил хозяин дома. Звоницкий вежливо кивнул. В случае господина Караулова даже не нужно было прилагать усилий для того, чтобы понять, на какую же собаку похож пожилой банкир. Английский бульдог, и никто иной! Массивный, вальяжный, флегматичный и вполне довольный собой...

А вот Василий удался не в отца. Сын напоминал скотчтерьера – короткие ноги, массивное туловище и грустный искательный взгляд. Да и ростом Василий не вышел – его золотоволосая стройная жена была выше его на целую голову.

А младший сын Караулова и подавно не походил на родителя. Длинные, до плеч, темные кудри, высокомерный взгляд, тонкие ноздри породистого носа и капризные чувственные губы... Афганская борзая, вот на кого похож Кирилл Сергеевич. Кстати, Звоницкий до сих пор не понял, чем занимается этот молодой мужчина. Вставал Кирилл где-то к полудню, а ложился под утро.

– О чем вы думаете, Глеб Аркадьевич? – неожиданно спросила Лариса, с интересом глядя на гостя. Видимо, Звоницкий слишком долго молчал и пропустил какой-то кусок

застольной беседы. Ветеринар слегка устыдился – надо же, сравнивает сидящих за столом с собаками...

С другой стороны, Глеб Аркадьевич не видел в собаках ничего плохого. Милые животные.... Не считая некоторых досадных исключений. Умные, верные существа. Не о всяком из людей можно сказать то же самое...

Кстати, для себя самого Звоницкий не делал исключений. Он давно подобрал себе «пару» в собачьем мире. Кане-корсо – вот на кого походил Глеб Аркадьевич. Умные глаза, опущенные уголки губ, глубокая складка у рта и общее выражение спокойной силы. Двухметровый ветеринар с наголо обритой головой и физиономией, покрытой шрамами, со стороны выглядел опасным типом, от которого стоит держаться подальше. Но близкие знакомые знали, что он и мухи не обидит.

Ветеринар несколько секунд подумал, прежде чем ответить на вопрос Ларисы. На самом деле Глеб, как и все собравшиеся за этим столом, размышлял над загадкой утопленницы. Кто такая, каким образом оказалась в воде... Сама прыгнула, или женщине помогли... Сколько времени пролежала на дне озера... И что за зеленые стекляшки поднял со дна водолаз...

Но для застольной беседы утопленница явно не годилась, поэтому Звоницкий, лишь слегка покривив душой, ответил:

– Да вот, вспоминаю ваш городок. Я ведь его почти не видел, проскочил на машине за десять минут. Церковь какая-то старинная мелькнула...

Семейство Карауловых с готовностью ухватилось за безобидную тему. Сергей Петрович сообщил:

– Да, городок наш выстроен при Алексее свет Михалыче, батюшке Петра Первого. Царь ехал на богомолье, дело было зимой, и в наших краях у него поломался возок. Это вроде кареты, только на полозьях, понимаете? И Алексей Михалыч очень рассердился. Вообще-то он был кроток и даже носил прозвание Тишайший, но тут отчего-то сильно разгневался... Дело было постом, царь устыдился своего греха и велел основать тут городок. Оттого-то он и называется Злобино!

Все присутствующие выслушали эту удивительную историю не моргнув глазом. Напротив, Василий снизу вверх смотрел на отца, а Лариса кивала как заведенная. Только Кирилл рассеянно чертил вилкой по пустой тарелке.

Звоницкий еще в первый день своего пребывания в этом доме обратил внимание – все домочадцы относились к старшему Караулову с подчеркнутым, даже каким-то утрированным почтением. Когда Сергей Петрович входил в комнату, сыновья и невестка поспешно вставали. Когда он начинал говорить, немедленно замолкали. Причем Глеб Аркадьевич мог назвать две предположительные причины этих странностей. Первая проста – Караулов-старший – банкир, а его дети и невестка целиком зависят от его щедрости. И вторая – возможно, Сергей Петрович вовсе не так мил, как может показаться на первый невнимательный взгляд. Возможно, господин Караулов просто-напросто домашний диктатор, тиран и деспот. Родные и близкие знают, чего от него ожидать, вот и ходят по струнке. Между тем хозяин дома продолжал рассказ. Очевидно, он сел на своего любимого конька и об истории городка Злобина мог говорить часами.

– Так вот, с семнадцатого века в летописях упоминается наш городок. Мы ведь и торговали, и даже за границу! Основной экспортный продукт – беленые холсты и липовые ложки. А в царствование Петра Первого Злобино стало приходить в упадок. Особенно после того, как столицей сделался Санкт-Петербург. Так с тех пор наш город и не оправился...

– У вас очень чистый воздух, – восхитился Звоницкий. – И природа потрясающая! Прямо-таки первозданная.

Караулов гордо кивнул, как будто именно его нужно было благодарить за первозданность злобинской природы.

– Это потому что промышленности нет. В советские времена здесь работали заводы – лакокрасочный и по производству лодочных моторов, а сейчас ничего такого нет. Вот природа и восстановилась. Просто-напросто заповедный край. Знаете, у нас в прошлом году лосей видели!

Глаза Караулова загорелись. Кажется, господин банкир был из породы патриотов-краеведов – на взгляд Звоницкого, совершенно невыносимый тип личности. Сергей Петрович еще долго развивал бы эту тему, но не выдержал Кирилл:

– Нет, это просто невероятно! Как вы можете сидеть тут и обсуждать всякую чушь, когда...

Младший сын со звоном отшвырнул вилку, потом сжал руками виски, как будто у него внезапно заболела голова, а затем вскочил, опрокинув стул, и вышел из столовой, со злостью хлопнув дверью. Девушки в белых передниках подскочили и принялись ликвидировать беспорядок. Василий втянул голову в плечи, как испуганная черепаха. Лариса сидела, не отводя взгляда от своих коленей. Сергей Петрович медленно покачал головой:

– Извините моего сына, Глеб Аркадьевич. Он чрезвычайно впечатлительный мальчик.

На взгляд Звоницкого, Кирилл давно вышел из того возраста, когда слово «мальчик» было по отношению к нему уместным – парню было под тридцать. Но ветеринар лишь сочувственно покивал. Интересно, что имел в виду младший Караулов? «Как вы можете сидеть тут и обсуждать всякую чушь, когда...» Когда что? Возможно, «когда она лежит там в морге»?

Ведь Василий явно узнал вещь, которую поднял со дна водолаз. А значит, семейство Карауловых явно знает больше, чем хочет показать...

Сергей Петрович сидел, уставившись в пространство. На лице его застыло странное выражение – самодовольное, слегка сонное. Кажется, пожилой мужчина слегка перебрал с успокоительным...

– Я обратил внимание, что у вас в Злобине все друг друга знают. – Звоницкий бросил спасательный круг семейству Карауловых, и Василий с радостью за него уцепился:

– Да, вы знаете, у нас тут половина населения друг другу родня. В городе большая часть населения носит одни и те же фамилии – либо Чадовы, либо Трусовы. Во, к примеру, мэр нашего города – Виктор Константинович Трусов, главный врач больницы, – тоже Трусов, Аркадий Михайлович, а его сын, Михаил Аркадьевич, – прокурор. Начальник УВД – Андрей Анатольевич Чадов...

– А Карауловы? – полюбопытствовал ветеринар.

– Нет, наших однофамильцев здесь нет, – почему-то смутился Василий.

В этот момент одна из черно-белых девушек со звоном уронила поднос, на который успела собрать ножи и вилки со стола. Сергей Петрович даже не вздрогнул, а вот Василий и его жена прямо-таки подскочили на своих стульях.

– Катенька, ну что же вы так! – укоризненно сказал Василий, хватаясь за сердце.

– Извините, Василий Сергеевич, – не поднимая глаз, прошелестела Катенька и принялась собирать с пола столовые приборы.

В этот момент стеклянная дверь, ведущая в столовую, настежь распахнулась, и на пороге возникла пожилая женщина в цветастом платье и тапочках на босу ногу, с растрепанными волосами. В руке женщина держала снятый с головы платок.

– Сергей Петрович, беда! – заголосила женщина. – Ой, беда! Спасайте сыночка!

– Лидя, успокойся! – поморщился хозяин дома. – Не кричи. Что случилось?

– Коля-то мой, – задыхаясь, проговорила женщина, – к Анатоличу побежал! «Я, – говорит, – не могу молчать. Обязан оказать помощь следствию, рассказать все, что знаю!»

– И что Коля знает? – холодно спросил Василий.

– Ну как же... девушка, которую из воды вытащили...

Карауловы переглянулись. Звоницкий сидел не дыша. А Лида продолжала завывать:

– Мы ведь ее сразу узнали. Колька, дурачок, все рвался следователю сказать. Да я его остановила. А как Чадовы уехали, он мне и говорит: «Все, Лида, после такого переживания имею право отдохнуть!» Ну и наотдыхался... Я его на ключ заперла, пошла по хозяйству, смотрю – а он в окошко вылез, на свой драндулет сел и в город! Я сразу поняла – это он с пьяных глаз решил справедливость восстановить. «Я, – говорит, – очень комиссара Каттани уважаю, который за правду». Ой, что же теперь будет?!

Лида поднесла платок ко рту, впилась в него зубами и горестно завывала. Лариса вскочила, принялась хлопотать, накапала женщине какого-то лекарства в рюмочку. А отец и сын Карауловы, не отрываясь, смотрели друг на друга. Наконец Сергей Петрович тяжело поднялся из-за стола и медленно проговорил:

– Надо сказать Кириллу.

В этот момент с улицы послышался сигнал автомобильного клаксона, и звонкий голос прокричал:

– Глеб Арка-а-адьевич! Вы здесь?

Карауловы дружно уставились на ветеринара. Звоницкий поспешно поднялся из-за стола, распахнул дверь и вышел во двор. Там его глазам предстала удивительная картина. Прямо посреди двора сияла на ярком солнце помидорно-красная малолитражка, а на капоте сидела удивительно некрасивая девушка в черной майке и камуфляжных штанах, перчатках с обрезанными пальцами и сапогах-казаках. Из уха юной автомобилистки свисал клык на цепочке. При виде ветеринара девушка ослепительно улыбнулась и воскликнула:

– Ой, Глеб Аркадьевич, наконец-то я вас нашла! Ну и городишко – не видать кретинов из-за копоты. Никто не желает помочь бедной девушке. Я весь город на уши поставила, пока вас разыскала!

– Познакомьтесь, это Яна Казиминова, моя ассистентка! – стараясь не рассмеяться, торжественно заявил Звоницкий. Да, Яна умела сделать свой выход ярким и запоминающимся...

Но тут ветеринар присмотрелся – и ему стало не до смеха. За стеклом автомобиля Глеб разглядел бешено извивающийся комок серого меха.

– Яна! – простонал ветеринар. – Все, что угодно, только не это...

– Простите, Глеб Аркадьевич, но мне совершенно не с кем было его оставить, – смутилась девушка. – Пока мы ехали, я его пару раз усыпить хотела, честно признаюсь. Не может он спокойно в машине сидеть... Разрешите, я его выпущу, а? Он мне и так весь салон уделал.

Сгорая со стыда, Звоницкий кивнул. Яна распахнула дверцу, и к ветеринару понесся чрезвычайно живой и необыкновенно пахучий снаряд.

– Это ваша собачка? О, какой милашка! – Лариса Караулова попыталась спасти положение. Звоницкий покосился через плечо – все семейство столпилось на крыльце.

Назвать этого пса милашкой мог только очень неискренний человек. Начать с того, что эта собака не принадлежала ни к одной известной кинологом породе, а была результатом совместных, так сказать, усилий хаски, добермана, таксы и кого-то еще, рожденным от суки пуделя. Причем от каждой породы дитя получило лишь недостатки и изъяны. Отвратительный экстерьер усугублялся дружелюбным нравом. Вот и сейчас псина, с разбегу наскочив на ветеринара, принялась тереться о его ноги, извиваться, пыхтеть и высовывать язык до земли, демонстрируя радость от встречи с хозяином. В результате брюки Звоницкого моментально покрылись шерстью, грязью и собачей слюной. На команды пес не реагировал, причем принципиально.

Звоницкий горестно вздохнул. Невозможно убежать от самого себя... и от некоторых четвероногих друзей тоже. Что ж, рано или поздно это должно было случиться.

На сцену явился Грязный Гарри.

Глава 2

Щеночка Глеб Аркадьевич получил в подарок. Предполагалось, что у Звоницкого день рождения, а песик – чистокровный аляскинский маламут. И то и другое было ложью. Опровергнуть ее у Звоницкого не хватило духу, за что он теперь жестоко расплачивался.

Дело в том, что собаку ветеринару подарила некая Жанна. С этой дамой Глеба связывали отношения, которые с некоторой натяжкой можно было назвать близкими. После знакомства на юбилее общих друзей Глеб Аркадьевич дважды пригласил Жанну Борисовну в ресторан, один раз – в театр, после чего они три ночи провели вместе. Звоницкому дама была симпатична – Жанна была красива, ухожена, обладала чувством юмора. У нее был только один недостаток – узнав о взрыве (скрыть это при столь близком знакомстве было абсолютно невозможно), Жанна прониклась к ветеринару сочувствием и всячески пыталась сделать жизнь одинокого холостяка лучше, ярче, красочнее и разнообразнее. Поскольку Звоницкий жалости не выносил, а собственная жизнь его вполне устраивала, вскоре стало ясно – у этих отношений нет будущего.

Но Жанна не желала сдаваться. Уж если женщина решила сделать мужчину счастливым, остановить ее может только очень сильнодействующее средство – типа равнодушия или явной измены, к чему Глеб Аркадьевич не был готов. Ассистентка наблюдала за страданиями шефа с плохо скрываемым злорадством. У Яны имелись собственные понятия о том, как нужно строить отношения. «Это как хвосты купировать, шеф! – бодро излагала свои соображения Казиминова. – Лучше сразу, одним махом, а не по кусочку. Ведь ежику ясно – вы друг другу не подходите». Но Глеб Аркадьевич все тянул, надеясь, что Жанна сама сообразит: их отношения зашли в тупик.

Однажды дама приехала в клинику в отсутствие ветеринара и принялась выспрашивать ассистентку о Звоницком. Ну, тут уж Яна, что называется, оторвалась по полной! Она доверительным тоном сообщила, что ее шеф – жуткий сердцеед, женщин меняет как перчатки. Причем со всеми использует одну и ту же беспронимательную стратегию: два похода в ресторан, один в консерваторию или театр – и готово, жертва сама падает на диванчик немолодого Казановы!

Когда Глеб Аркадьевич узнал об этом инциденте, он – обычно мягкий и вежливый – в голос наорал на ассистентку. «Что вы себе позволяете! – кричал побагровевший от ярости Звоницкий. – Это жестоко и бесчеловечно – так поступать с бедной женщиной, вся вина которой только в том, что она хочет устроить свою личную жизнь!»

Но Казимирову громким голосом было не напугать – папа-военный приучил дочку, что двойка по физике обсуждается на тех же децибелах, что и отдаются команды на плацу. «Да что вы говорите, шеф?! – фальшиво удивлялась девушка. – Значит, эта Жанна – просто маргаритка на лугу! А вы знаете, что она меня расспрашивала о вашей бывшей жене? О том, по какой причине вы развелись и какие проблемы были в вашей жизни? А еще ее очень интересовало, сколько вы пьете и не имеете ли других вредных привычек! Ну, про ваши доходы она тоже не прочь была узнать – сколько бабла приносит ваша клиника... Да вы мне должны быть благодарны, шеф, что я вас спасла от этой выдры!»

– В каком это смысле – спасла?! – удивился ветеринар. И девушка, прыскавая в ладошку, поведала, что наговорила Жанне такого, после чего она и на километр не подойдет к ветеринару. Глеб Аркадьевич страшно обиделся на Яну. Больше всего его потрясло то, что девушка, до того соблюдавшая нейтралитет, пополнила ряды женщин, пытавшихся руководить жизнью Звоницкого. Почетное место в этом своеобразном клубе занимала домработница Звоницкого, Варвара Михайловна. Поскольку Глеб Аркадьевич был сирота, добрейшая дама взяла на себя некоторые функции отсутствующей матери – при этом ее ничуть не сму-

щало, что в свои почти пятьдесят Глеб Аркадьевич вполне в состоянии сам распоряжаться собой и шансы попасть в «плохую компанию» у него очень малы.

Ветеринар обиделся и целую неделю не разговаривал с ассистенткой, точнее, разговаривал, конечно, но только по работе. Душевные беседы обо всем на свете прекратились до тех пор, пока Яна не пришла однажды с виноватым видом и принялась извиняться.

– Ладно, шеф, ваша взяла, – хмуро поглядывая на Глеба, сказала тогда ассистентка. – Я больше не буду так грубо. Но и вы тоже хороши – как можно в ваши годы так паршиво разбираться в женщинах?!

Звоницкий так и не узнал, что там такого наговорила Казиминова, но Жанна исчезла с горизонта. Правда, перед этим успела сделать Глебу прощальный подарок. Однажды дама возникла на пороге клиники с какой-то коробкой в руках. Звоницкий многозначительно поднял брови, и ассистентка тут же скрылась в смотровой. А Жанна выставила на стол свой груз и сообщила:

– Я пришла попрощаться. Вот, Глеб, это тебе от меня подарок. На день рождения. Я, конечно, обижена, что ты мне не сказал о своем юбилее... И о том, что уезжаешь за границу... Но я умею прощать. В знак моей признательности дарю тебе это.

– Что это? – поинтересовался Звоницкий, пытаясь осознать несколько вещей сразу. В-первых, день рождения у него второго сентября, а на дворе стоял декабрь. Во-вторых, никакого юбилея у Глеба не намечалось. В-третьих, за границу он тоже не собирался... Оставалось предположить, что это последствия мистификации Казиминовой.

– Это аляскинский маламут! – гордо ответила Жанна.

– У тебя там что, собака?! – изумился Звоницкий. – Живая?

Сама мысль, что кто-то может подарить ему пса, казалась ветеринару настолько дикой, что он никак не мог осознать – похоже, сейчас ему придется перейти в категорию собаководов.

– Неужели ты думаешь, что я настолько жестока – дарить тебе *неживую* собаку?

Звоницкий приблизился и очень осторожно приоткрыл коробку. Оттуда немедленно послышалось щенячье тявканье, и на ветеринара уставились круглые, как пуговицы, глаза.

– Подожди! Постой! Я не могу принять такой подарок! – слабо протестовал Звоницкий, но Жанна уже развернулась на каблуках, бросила через плечо: «Прощай! Пусть этот песик напоминает тебе обо мне!» – и гордо покинула клинику.

Звоницкий вынул щенка из коробки и посадил на стол. Щенок бешено завил хвостом и в порыве чувств сделал громадную лужу. С первого взгляда Звоницкий определил, что перед ним самая обыкновенная дворняжка.

Казиминова подошла к столу, посмотрела на собачку и подняла на Глеба виноватый взгляд:

– Простите, шеф! Это все из-за меня!

– У вас мания величия, Яна, – вздохнул Глеб Аркадьевич. – Нет, это все *из-за меня*. Несите тряпку...

С этого момента жизнь немолодого ветеринара превратилась в кошмар.

Пророчество Жанны – «пусть этот песик напоминает обо мне» – сбылось на все сто процентов. Не было дня, чтобы Глеб Аркадьевич не поминал романтическую даму и ее подарок самыми последними словами.

Пес оказался не только редкостно некрасивым, но и на удивление бестолковым. Звоницкий знал, как воспитывать собаку, – в давние времена, во время службы в армии, он два года был кинологом. Но песик оказался феноменально необучаемым. Он делал лужи где попало, грыз все, до чего мог дотянуться, а прогулки с ним были для прихрамывающего Звоницкого настоящим испытанием.

При этом песик очень много ел и необычайно быстро рос. Из лохматого очаровашки щенок превратился в длинноногого несуразного собачьего подростка с кривым крысиным хвостом и ушами, одно из которых стояло, а другое висело. Такого за долгие годы общения с собачим миром Звоницкий еще не видывал.

Нельзя не сказать, что Глеб Аркадьевич не пытался избавиться от неожиданного подарка. Побившись с месяц, ветеринар принялся спешно искать для пса новый дом. Но оказалось, никто не горит желанием взять к себе собаку, которая похожа одновременно на пуделя, ротвейлера и терьера. Кудлатую шерсть грязно-серого цвета невозможно было как следует расчесать, в итоге Звоницкий плюнул и принялся стричь собаку. Красоты псине это не прибавило, чего уж там... Так что никто не польстился на необыкновенное животное, и Звоницкий прекрасно их понимал. Конечно, можно было отвезти скотину в приют... Некоторые вообще завозили ставших ненужными питомцев далеко в лес и бросали там. Но Глеб не мог так поступить.

В очередной раз отчаявшись сбыть с рук подарочек, ветеринар обратился к собаке с такими словами:

– Слушай, а может, перекрасить тебя в блондина, а? Да нет, не поможет... И ведь фото в Интернете даже не передает твой неповторимый запах! Видимо, эти люди умнее, чем кажутся...

Пес умильно смотрел на Звоницкого.

– Знаешь, кто ты такой? – продолжал ветеринар. – Ты мое наказание за слабость к женскому полу, вот ты кто! Я, конечно, не буддийский монах, и обетов не давал... Но, честно говоря, роман с этой Жанной я завел больше от скуки. Понимаешь? Она даже не очень-то мне и нравилась...

Пес опустил второе ухо – был у него в запасе такой трюк.

– Да, верно понимаешь... Так что придется мне тебя оставить. Давно пора придумать тебе имя... О! Грязный Гарри! Нравится?

Песик сказал «гав», и судьба его была решена.

Два дня назад, уезжая в гости к Карауловым, Глеб Аркадьевич поручил Гарри заботам домработницы. Отчасти с его стороны это была месть. В самом начале ветеринар решил перевоспитать щенка при помощи голода – это жестокий, но очень действенный способ. Пса не кормят до тех пор, пока он не станет покорным и послушным воле хозяина. Каждый день, приходя с работы, Звоницкий ждал, что пес подползет к нему на пузе, но тот продолжал упорствовать – грыз ботинки, ножки кресел и при этом вовсе не выглядел голодным – наоборот, пузо юного негодяя было круглым, а морда довольной. И только потом ветеринар сообразил, что вся его педагогическая система разбилась о доброе сердце домработницы. Варвара Михайловна тайком подкармливала несчастенького...

Так что, вручая домработнице поводок, Звоницкий злорадно посоветовал быть с собакой построже – «а то на шею сядет!». Варвара Михайловна тоскливо вздохнула, но промолчала. В конце концов, хозяин должен был вернуться всего через неделю...

И вот теперь Грязный Гарри нашел Глеба и здесь, в далеком Злобине.

– Яна, зачем вы привезли его сюда? – вполголоса возмущался Звоницкий, пытаясь отпихнуть комок линючей признательности. Наконец Глебу удалось ухватить поводок и слегка приструнить собаку. Шансов на то, что Гарри наконец выполнит простейшую команду «сидеть», не было ни малейших, поэтому ветеринар просто намотал поводок на руку.

– Так, шеф, у нас произошел несчастный случай! – громко сообщила Казимирова. – Варвара Михайловна сломала ключицу! Этот тип ее уронил с лестницы вчера утречком. И с тех пор он со мной!

– Ай-яй-яй! – ужаснулся ветеринар. – Надеюсь, она не очень пострадала?

– Очень! – тряхнула ярко-рыжими волосами Яна. – Так ругалась, пока «Скорая» не приехала! Я и не думала, что она такие слова знает... Врач сказал, месяц в фиксирующей повязке проходит. А так ничего.

– А как же клиника? – встревожился Звоницкий. – На кого вы оставили клинику?

– Клинику пришлось... шеф, вы только не волнуйтесь... пришлось временно закрыть.

– Как – закрыть?! – раненым медведем взревел Звоницкий. Клиника была его любимым детищем и за три года работы не закрывалась ни разу дольше чем на день.

– Там у жильцов наверху трубы прорвало, – пояснила Яна. – С горячей водой. Так что все залило – и приемную, и смотровую, и обе операционные. Инструменты и препараты я все вынесла, компьютеры тоже спасла. Аппарат УЗИ и рентген пленкой вовремя накрыла – они не пострадали. Но работать там нельзя. Сначала придется ремонт сделать. Простите меня, Глеб Аркадьевич!

На глазах девушки появились слезы. Тут Звоницкий слегка пришел в себя. Он знал, что его ассистентка вовсе не слезливая барышня, и если Яна плачет, значит, всерьез переживает.

– Ладно, Яна, не расстраивайтесь! – Ветеринар слегка погладил девушку по плечу. – Вы-то в чем виноваты? Наоборот, я вам благодарен. Я все равно собрался ремонт делать, да все откладывал... Ну, теперь уж никуда не денешься. Позвоню Электрону, пусть вызывает свою бригаду.

Электроном звали знакомого мастера на все руки. В прошлом году он делал ремонт у Глеба в квартире и взял совсем недорого – он был очень обязан Звоницкому, ведь тот разоблачил убийц его престарелой родственницы.

Тут Глеб Аркадьевич почувствовал себя персонажем песни, которую частенько напевал во время работы – была у ветеринара такая привычка. Песня называлась «Все хорошо, прекрасная маркиза». Еще совсем недавно Звоницкому казалось, что утопленница – главная из его проблем. Сейчас он вовсе не был в этом уверен. Количество несчастий, свалившихся на голову ветеринара, начинало зашкаливать. А что, если это еще не конец?! Что, если цепь неприятностей продолжится?

– Послушайте, Яна. – Ветеринар наконец очнулся от первоначального шока и начал соображать. – А зачем вы приехали сюда, да еще в компании этого юного негодяя?

Яна слегка смутилась. Смутить Казимирову было нелегко, поэтому Глеб Аркадьевич заподозрил неладное.

– Так это, шеф... Бумаги вам привезла на подпись.

– Какие бумаги, Яна?! Налоговую декларацию за прошлый год?

Ассистентка помолчала, ковыряя плитку носком сапога, потом подняла покрасневшее лицо и сказала:

– Ладно, вас все равно не проведешь... Давайте начистоту. У вас телефон с самого утра не отвечает, вот я и подумала: вдруг с вами что случилось.

Звоницкий усмехнулся:

– Так вы, значит, приехали меня спасать?

Тут Яна не выдержала:

– Да ладно, шеф, вы меня уже сварили и изжарили. Подавайте на стол! Ну да, я волновалась... Что в этом плохого? Да не нервничайте, я сейчас уеду. И спионогрыза вашего с собой заберу. Отдыхайте спокойно...

Но отдохнуть спокойно ветеринару не пришлось. Позади послышался шум и крики. Глеб Аркадьевич обернулся и увидел, что Василий Караулов повис на своем младшем брате и пытается его удержать. При том, что Кирилл был выше его на голову и шире в плечах, шансы у толстячка были невелики. С крыльца за безобразной сценой наблюдали Сергей Петрович и белая, как мел, Лариса.

– Пусти меня, – задыхаясь, хрипел Кирилл. – Я не могу здесь оставаться... после того, что случилось...

– Не пущу, – пыхтел Василий. – Если ты сейчас уедешь, будет еще хуже... Ты себе всю жизнь поломаешь! Ну сколько ты собираешься быть в бегах? Всю оставшуюся жизнь?! Отец, хоть ты ему скажи!

– Я и так уже все испортил!

Кирилл вдруг прекратил вырываться. Василий осторожно отпустил брата, и длинноволосый красавец без сил опустился на ступени крыльца. Он уронил голову на руки и глухо застонал. Лариса вдруг заломила руки – совершенно как в театре – и зарыдала в голос. Яна во все глаза таращилась на драматическую сцену.

– Кира, твой брат, как ни странно, прав! – подал голос Сергей Петрович. – Бежать – это не выход. Давайте подумаем, что можно сделать.

Тут ворота, ведущие на участок, отъехали в сторону, и на мощный плиткой двор въехал полицейский «Форд» – тот самый, что приезжал утром. И люди из него выбрались те же самые – двое в форме, похожие, как братья. На лице старшего красовались темные очки, как в фильмах про американскую полицию. Младший замороженно уставился на Яну Казимирову, даже рот приоткрыл.

Следом за «Фордом» во двор въехал мотоцикл с коляской. На изделии отечественного автопрома восседал мужичонка в грязных джинсах, майке с серпом и молотом на пузе и ярко-красной бейсболке. Мужичок заглушил двигатель, и сразу стало тихо.

– Сергей Петрович, мы к вам, – мрачно сообщил старший в чине лейтенанта. – Вот тут Коля Волгин странные вещи рассказывает, Алексей Михалыч велел уточнить...

Мужичонка слез с мотоцикла и бодро потрусил куда-то в сторону хозяйственных построек.

– Стоять! – негромко приказал младший из полицейских. Сторож Коля послушно замер. Глаза у мужика бегали, он старался не смотреть ни на кого из Карауловых. Очевидно, порыв к торжеству справедливости улетучился из его головы вместе с алкогольными парами, и теперь Коля жалел о своем поступке.

– Саша, Леша, может, пойдете в дом? Чайком вас напоим, – предложил хозяин дома. Лейтенант с сожалением покачал головой:

– Сергей Петрович, дело-то серьезное. Давайте уже разбираться.

Караулов вздохнул:

– Эх, Коля, Коля... Что же ты наделал?

Мужичок неожиданно встрепнулся и с вызовом произнес:

– А чего – Коля? Я ж не врал. Как все было, так и рассказал органам...

Младший из братьев вдруг молниеносным движением ударил свидетеля носком ботинка под колено. Нога у Коли подломилась, и мужинка рухнул на четвереньки. Никто не произнес ни слова. Звоницкий смотрел, забыв выдохнуть. Ничего себе порядочки тут у них, в Злобине...

– Ты, долбод, зачем заяву написал? – сквозь зубы процедил лейтенант. – Тебя кто просил? Нет чтоб по-тихому, на тормозах все спустить, а ты... Каттани хренов.

В тишине было слышно тяжелое дыхание Кольки.

– Ладно, давайте пройдем в дом, – сказал старший Караулов.

Внезапно сторож вскочил и пустился бежать. Лейтенант в два прыжка догнал незадачливого правдолюбца и скрутил профессиональным движением. Сверкнули на солнце наручники, и Колька скривился от боли. Звоницкий поморщился – он ненавидел подобные сцены.

– А че я? Че я-то? – истерически выкрикнул сторож. – Не на меня надо браслеты надевать, а вон на этого!

Грязный палец указал на Кирилла.

– Он убил, а меня законали! Где правда-то?

И Коля Волгин залился нетрезвыми слезами. Несмотря на непрезентабельный вид сторожа, Звоницкий был склонен ему верить. Человек, стоящий на столь низкой ступени социальной лестницы города Злобина, ни за что не стал бы клеветать на сына своих хозяев. Он вообще открыл рот только потому, что был уверен – он знает *правду*. Ну, или то, что ему кажется правдой...

– Я сам видел, вот этими самыми глазами! – продолжал Колька. – Они ссорились и друг на друга орали как резаные. Дамочка – ну, эта самая, в зеленом платье – ему кричит: «Между нами все покончено! Прости-прощай!» А Кирилл Сергеич ей: «Ненавижу тебя, лярва ты этакая! Тебе на свете не жить!»

На этом месте все присутствующие как по команде уставились на Кирилла. Длинноволосый красавец поднял бледное лицо, губы его дрожали. Н-да, вероятность того, что он называл свою девушку *лярвой*, очень невелика. Это понял даже лейтенант. Он хмыкнул и с сомнением спросил:

– Что, прямо так и сказал?

Волгин шмыгнул носом и кивнул:

– Ну, слова, может, были другие... Но смысл этот самый.

Тут Волгин приободрился и довольно развязно заявил:

– Кстати, я ведь не один это слышал. Жена моя тоже там присутствовала, между прочим.

Видела все и слышала. Лида, чего молчишь?

Жена сторожа с сожалением смотрела на мужа. Она покачала простоволосой головой и горько проговорила:

– Дурак ты, Коля.

– Сама дура! – огрызнулся Волгин. – Но это еще не все. Сначала они лаялись там, на бережку, а потом он ее душить принялся!

Сторож обвел всех торжествующим взглядом. Видимо, выражение лиц собравшихся ему не понравилось, да и алкогольные пары выветрились окончательно. Закончил Коля вполголоса и с некоторым сомнением:

– Сам видел. Вот этими самыми глазами...

– Ладно, свидетель хренов, – жестко произнес лейтенант. – Ты свое дело сделал, иди проспись.

– Но имей в виду, – вступил в разговор второй полицейский, – тебе придется в суде выступать. Так что смотри не ошибись.

Младший снял с Волгина наручники. Обрадованный Коля поспешно потрусил за дом, приговаривая на ходу: «Да я тут... в бендешке покемарю... Устал чего-то...»

Когда сторож скрылся из виду, оба стража порядка подошли к Кириллу. Тот поднялся им навстречу и вскинул подбородок:

– Я готов.

Старший Караулов с крыльца негромко спросил:

– Вы приехали забрать Кирилла?

Полицейские словно бы смутились. Лейтенант снял свои непроницаемые черные очки и сказал:

– У нас ордер... Анатолийч распорядился.

Сергей Петрович кивнул, признавая правоту закона.

– Мы можем попрощаться? – ровным голосом спросил хозяин дома.

Полицейские отошли в сторону. Звоницкий смотрел во все глаза. На его глазах нарушили процессуальные нормы задержания. Очевидно, в городе Злобине была принята собственная разновидность закона.

Сергей Петрович спустился с крыльца и подошел к сыну.

– Как же ты так, Кира? – спросил старший Караулов. – Почему ты мне ничего не сказал? Ведь можно было все исправить... А теперь... я, конечно, попытаюсь. Но это будет намного сложнее.

– Папа... я так виноват! – всхлипнул Кирилл и обнял отца.

– Ну-ну, спокойно. – Сергей Петрович отстранил сына и довольно жестко сказал: – Держи себя в руках. Я сделаю все, что смогу. Помни – я на твоей стороне. А я в этом городе кое-что значу. Иди.

Лариса сбежала с крыльца и подала Кириллу белоснежный носовой платок.

– Кирочка, не волнуйся! Папа сделает все, что нужно. Скоро ты снова будешь дома!

Василий к брату не подошел, и выражение его лица показалось Звоницкому странным. На младшего брата Василий смотрел с явным отвращением.

Лейтенант надел очки и негромко произнес:

– Ну все. Пора ехать.

Сгорбившись, Кирилл побрел к полицейскому «Форду». Его усадили на заднее сиденье, лейтенант уселся рядом, а младший сел за руль. Двигатель мягко заурчал, и машина выехала со двора, увозя Кирилла Сергеевича из родного дома.

Не дожидаясь, пока полицейский автомобиль выедет из ворот, Сергей Петрович повернулся и скрылся в доме. Во дворе остались Василий и Лариса, жена сторожа Лида и ветеринар со своей ассистенткой.

Впрочем, Лида тут же засуетилась, сообщила, что ей надо «присмотреть кое за чем» и удалилась в ту же сторону, куда скрылся ее муж. Видимо, Коле Волгину предстояла супружеская сцена.

Василий посмотрела на Звоницкого с плохо скрытой неприязнью. Глеб Аркадьевич прекрасно его понимал. До сегодняшнего утра жизнь в доме Карауловых текла размеренно и благополучно. Покой, достаток и уважение окружающих – вот что наполняло этот дом. Но стоило появиться Звоницкому, как вся размеренная, налаженная жизнь полетела кувырком. Сначала труп утопленницы, найденный в озере, потом арест брата...

– Василий Сергеевич, спасибо за гостеприимство, но, думаю, мне лучше уехать, – проговорил Глеб Аркадьевич. На лице Василия отразилось плохо скрытое облегчение. В такой ситуации гость в доме был тяжелой обузой. Да и сцена, что только что разыгралась во дворе, не предназначалась для глаз постороннего.

Собственно говоря, что Карауловы знали о человеке, которого пригласили в дом? Только то, что он ветеринар и замечательно умеет делать экстренную трахеотомию. Кто знает, как поведет себя неудобный гость? Кому и что он расскажет о случившемся?

– Да-да, конечно... как вам удобно, – слегка невпопад пролепетал толстяк. На мгновение замер, собираясь с духом, а потом бухнул:

– Надеюсь на вашу порядочность, дорогой Глеб Аркадьевич...

Звоницкий взглянул на побагровевшую физиономию Караулова и кивнул:

– Разумеется, я никому не расскажу о том, что здесь произошло. Можете на меня рассчитывать.

Василий перевел дух и скрылся в доме – видимо, поспешил к отцу. Лариса еще немного потопталась на крыльце, потом смущенно развела руками и последовала за мужем.

– Шеф, что это было, а? – Яна потрясенно уставилась на Звоницкого.

Ветеринар вздохнул. Это была отнюдь не первая история криминального характера, в которую Глеб Аркадьевич влип. В предыдущую они оказались втянуты вместе с Яной...

– Понимаете, Яна... дело в том, что сегодня утром я нашел в озере неподалеку труп.

– Чего?! – Казимирова вытаращила глаза. – Какой еще труп?

– Женский, – тяжело вздохнул Звоницкий и рассказал историю с самого начала – как хозяин дома попросил его взглянуть на лебедей, как ветеринар полез в озеро, как свалился в воду и обнаружил утопленницу...

Казиминова присвистнула, как мальчишка:

– Да, шеф, такая история могла произойти только с вами!

– Вот и нет! – обиделся Звоницкий. – На моем месте мог оказаться любой. Первый, кто полез бы в это проклятое озеро, обнаружил бы тело. Рыбак, купальщик... Мне просто не повезло, вот и все...

– Ага, рассказывайте! – недоверчиво хмыкнула девушка. – А как же в прошлом году – ну, помните, эта бодяга с котом?

Разумеется, Звоницкий не забыл случившуюся в прошлом году историю. Престарелая баронесса Баух завещала все свое многомиллионное состояние коту. Тогда Глеб Аркадьевич помимо своей воли оказался втянут в расследование и едва не лишился жизни. В качестве бонуса Звоницкий получил восстановление справедливости – ну, и еще кота. Разумеется, без унаследованных миллионов...

– Яна, это нечестно! – запротестовал ветеринар. – Сегодняшнее происшествие – просто трагическая случайность.

Ассистентка ухмыльнулась – похоже, не поверила. Наконец Казиминова с решительным видом слезла с капота своей машинки и поинтересовалась:

– Так, ладно. Что вы намерены делать дальше, шеф?

– Дальше? – Звоницкий не задумался ни на секунду. – Дальше я собираюсь взять вещи и как можно быстрее убраться отсюда. Не хотел бы здесь оставаться ни одной лишней минуты...

– Да ладно! – хмыкнула Яна. – Можно подумать, вы мало трупов видели...

Ассистентка почему-то считала своего босса крутым борцом с преступностью. Звоницкому никак не удавалось ее разубедить.

Вообще-то с трупами Глебу Аркадьевичу приходилось сталкиваться нечасто. Когда он работал в прокуратуре, то имел дело исключительно с бумагами. Он, конечно, боролся с преступностью, но только в меру своих должностных обязанностей. Да, Глеб Аркадьевич отслужил два года в армии на границе с Афганистаном – дело было еще во времена Советского Союза. Но за все время службы стрелять ему довелось только в учебке, а все два года Звоницкий провел в обществе пограничных собак в качестве кинолога и ни единого моджахеда в глаза не видел.

Нет, покинуть этот дом Звоницкого побуждал вовсе не кошмарный труп. Дело было куда хуже. Бывшего сотрудника прокуратуры потрясло то, что он увидел и услышал за сегодняшний день. Мало того, что следствие велось с нарушениями, так еще Сергей Петрович Караулов открытым текстом дал понять, что его сыночку недолго чалиться на нарах – папа сделает все, чтобы его оттуда вытащить. Ведь он «не последний человек в этом городе» – кажется, так он сказал?

Да и два брата-полицейских не понравились Звоницкому чрезвычайно. То, как они вели себя, ясно показывало – в этом городишке с соблюдением законности все обстоит еще хуже, чем в целом по России-матушке.

Звоницкому, в отличие от Коли Волгина, лавры комиссара Каттани на себя примерять не хотелось. Насколько Глеб Аркадьевич помнил древний сериал про итальянскую мафию, отважный комиссар дорого заплатил за свои разоблачения. Помнится, он лишился жены, дочери и любовницы... У Звоницкого не было ни жены, ни дочери, ни любовницы, но рисковать ему все равно не хотелось. Глебу Аркадьевичу было что терять.

К тому же он давно уже не имел отношения к правоохранительным органам. Он отправлен на пенсию по состоянию здоровья, верно? У него новая жизнь, новая работа, новые друзья... В общем, прочь отсюда, и как можно скорее.

– Яна, подождите меня здесь, – попросил Глеб Аркадьевич. – Я быстро в дом за вещами и тут же вернусь. Надо хотя бы попрощаться с хозяевами, а то неудобно...

– Потерпи, злодей. Сейчас домой поедem, – пообещал Звоницкий Грязному Гарри. Тот в ответ вывалил длинный язык в пыль и умильно завилял кривым хвостом.

Ветеринар передал ассистентке поводок с извивающимся псом и вошел в дом. Комната, которую отвели Глебу Аркадьевичу, находилась на третьем этаже. По пути туда Звоницкий проходил мимо библиотеки, из-за полуоткрытой двери слышался голос Сергея Петровича Караулова. Очевидно, это был фрагмент телефонного разговора:

– Ты понимаешь, что это абсурд? Как вы посмели тронуть моего сына? Вы что, не соображаете, с кем имеете дело?

Хозяин дома говорил жестко, властно. Видимо, и в своем банке он точно так же держит подчиненных в ежовых рукавицах.

– В общем, так. Я надеюсь, что это недоразумение и что оно в ближайшее время разрешится. В противном случае... Ну, вы представляете, что я могу сделать. Надеюсь, вы прислушаетесь к голосу рассудка – ради собственной шкуры, кстати...

Звоницкий как мог неслышно проскользнул в свою комнату и прислонился к закрытой двери. Сердце у него колотилось. Ох, что-то затевается в этом доме, таком буржуазно-благополучном с виду... И в тот момент, когда это «что-то» начнется, Звоницкому лучше оказаться как можно дальше отсюда.

Глеб Аркадьевич быстро собрал сумку, и в этот момент в дверь его комнаты постучали. Пришлось открыть. На пороге стоял Сергей Петрович и пристально смотрел на гостя.

Звоницкому пришлось посторониться, пропуская хозяина в комнату. Караулов вошел и закрыл за собой дверь.

– Уважаемый Глеб Аркадьевич, – начал пожилой мужчина, – мне безумно неловко перед вами. Вы мой гость, и вдруг такое неприятное, трагическое происшествие...

Звоницкий вежливо кивнул, ожидая, ради чего хозяин дома затеял этот разговор. Ведь Глеб уже пообещал Василию, что все увиденное здесь не станет известно третьим лицам. Чего же Карауловым еще надо?

– Я понимаю, то обстоятельство, что именно вы нашли... э-э, тело, – просто трагическая случайность. Именно я послал вас к озеру, я попросил вас осмотреть моих птиц... Вы в этой истории человек посторонний.

Звоницкий терпеливо ждал. Ну, давай же, не тяни, говори, чего ты хочешь...

Караулов подошел к окну и остановился там.

– Знаете, Глеб Аркадьевич, я не хочу, чтобы вы плохо о нас думали.

– Сергей Петрович, мы слишком мало знакомы, – мягко произнес Звоницкий. – Позвольте, я уеду. Обещаю – от меня никто ничего не узнает.

Пожилой мужчина обернулся. Звоницкий выдержал оценивающий взгляд.

– Эта девушка... Та, что в озере. Это невеста моего младшего сына. Ее звали Каролина Азина. Они с Кириллом были помолвлены почти год. А потом внезапно расстались. Расторгли помолвку без объяснения причин.

Звоницкий стиснул зубы. Он совершенно не собирался вникать в это дело. Но пожилой мужчина, похоже, решил посвятить гостя в детали случившегося.

– Мы были уверены, что Каролина уехала. После того как они поссорились, это было логично. А оказалось, она все это время была здесь... совсем рядом... в озере.

Звоницкий искренне сочувствовал Караулову. Но что, если его сын и в самом деле убил свою невесту, как утверждал Коля Волгин? Кирилл вел себя крайне подозрительно. Сначала

попытался сбежать, говоря, что «не может больше здесь оставаться – после того, что случилось»... а когда старший брат не позволил ему пуститься в бег, принялся рыдать. Невинный так себя не ведет. Невинный удивляется, возмущается, протестует... А Кирилл принял все случившееся как должное. Как будто именно такого он и ожидал...

– Сергей Петрович, я уверен, следствие разберется и установит истину, – пробормотал Звоницкий, презирая самого себя. Вот такими гладкими общими фразами он оперировал, когда работал в прокуратуре. «Торжество закона», восстановление справедливости, «установление истины»... Все это был фасад, за которым скрывалось нечто куда менее презентабельное. Звоницкий прекрасно помнил «лихие девяностые», когда грань между законом и беззаконием размылась настолько, что непонятно было, где начинается организованная преступность, а где те, кто должен с ней по долгу службы бороться. Глеб Аркадьевич неоднократно был свидетелем того, что деньги – по-настоящему большие деньги – способны черное сделать белым, обвиняемого превратить в свидетеля защиты. Закон был оружием, которое искалечило больше судебных невинных людей, чем противопехотные мины. Глеб старался держаться подальше от явной грязи, но несколько раз ему пришлось принимать участие в таких делах, о которых сейчас он предпочел бы не вспоминать. И что с того, что на него оказывали давление «сверху», что с того, что коррупция пронизывала всю систему с самого верха... Судя по всему, городок Злобино подзадержался в девяностых дольше других, вот и все... Звоницкий не хотел иметь с этим ничего общего.

– Сергей Петрович, меня ждут... Мне жаль, что вашего сына обвиняют в убийстве... но я здесь человек посторонний. Рад был знакомству, но мне правда пора ехать, – решительно произнес Звоницкий.

– Вы не представляете, что творится в этом городе. – Караулов прикрыл глаза, как будто их резал яркий свет. – А как вам наша доблестная полиция?

– Эти парни – они что, братья? – спросил Глеб.

– Братья, – кивнул пожилой мужчина. – Саша и Леша Трусовы. Я их маленькими знал. Они еще тогда проявляли склонность к насилию. Вы заметили, что именно такие люди часто идут в армию и в органы?

Звоницкому меньше всего хотелось обсуждать темы профессиональной психологии. Но уйти вот так было невежливо, и он кивнул:

– Это нормально для нашей страны. В смысле, так часто бывает...

– Такие люди существовали всегда, – вздохнул Караулов. – Молодые мужчины с избыточной агрессией. Считается, что у многих из них дополнительная X-хромосома... В прошлые века такие парни отправлялись на войну и гибли там. Войны регулировали эту избыточность... а сейчас их притягивает власть и возможность безнаказанно орудовать дубинкой... Этих братьев Трусовых лет в пятнадцать взяли за драку – они покалечили приезжего.

Звоницкий поневоле заинтересовался:

– И что же? Не думаю, что их посадили.

– Верно, – невесело усмехнулся Караулов. – Мальчиков не только не посадили, все следы их *шалости* были стерты. А парни отправились на учебу в другой город. Им платили стипендию, и несколько лет назад они вернулись.

Да-а... Верные, как овчарки, злобные, как бультерьеры. Кому же они служат, братья Трусовы?

– Мне показалось, к вам они относятся с уважением...

– Да, так и есть. Я не последний человек в этом городе. Но они выполняют не мои приказы...

– А чьи? – невольно спросил ветеринар.

Но тут Сергей Петрович внезапно замкнулся. Видимо, пожилой мужчина осознал, что и без того наговорил лишнего. Очевидно, внезапная откровенность Караулова была вызвана стрессом в связи с арестом сына. А теперь Сергей Петрович осознал, что откровенничает с малознакомым человеком.

– Извините меня, но мне действительно пора ехать, – твердо сказал Глеб, застегивая «молнию» на сумке.

– Да-да... конечно...

Плечи Караулова поникли, от былой властности не осталось следа. Сейчас перед Звоницким стоял старик, растерянно смотрящий себе под ноги и не знающий, что делать. Глеб Аркадьевич подхватил сумку и вышел.

Яна Казиминова копалась в моторе своей малолитражки. При виде шефа она утерла лоб тыльной стороной ладони и проговорила:

– Ну и жарыща... Уф, надеюсь, мои свечи выдержат. Давно пора поменять.

Девушка не только лихо водила свою смешную машинку, но и отлично разбиралась в ее начинке. Для Яны не составляло труда сменить колесо или выяснить, почему барахлит электрика. Звоницкий относился к талантам ассистентки с искренним восхищением – сам он предпочитал не заглядывать под капот, а свои проблемы решал на СТО, хозяин которой был ветеринару обязан – Глеб как-то сделал кесарево его любимой бульдожке.

Серебристый «Мицубиси Паджеро» Глеба находился на стоянке за домом, и ничто не мешало уехать как можно скорее.

– Яна, а где Гарри? – вдруг спохватился Звоницкий.

Девушка растерянно уставилась на обрывок поводка, обернутый вокруг ближайшего дерева.

– Опять перегрыз! Ну что это за собака!

Глеб прекрасно представлял, что способен натворить Грязный Гарри за пятнадцать минут на волюшке. Поэтому ветеринар и ассистентка поспешили на поиски юного негодяя. Не хватало еще доставить хозяевам дома новые неприятности...

– Гарри, Гарри! Где ты, злодей? – покрикивал ветеринар, обходя дом. Ассистентка негромко свистела неподалеку. Участок был окружен металлической оградой. Возможно, пес пролез между прутьями и потерялся. Глеб Аркадьевич втайне вздохнул от такой возможности. Но рассчитывать на это не стоило – такие собаки, как эта, не теряются. Гарри обладал феноменальным нюхом. Вероятно, он даже способен самостоятельно найти дорогу до дома...

Звонкий лай был ответом на призывы ветеринара. Ну вот и нашелся... Звоницкий подошел к деревянному сарайчику, стоящему у самой ограды. Лай доносился оттуда. Ветеринар отворил скрипучую дверь и уставился в темноту. Яна подошла и встала рядом.

– Гарри, вылезай.

Из сарайчика как-то странно пахло. Яна вдруг шагнула вперед, в ее руке загорелся фонарик в телефоне.

– Шеф, у нас проблемы...

Девушка зажала рот рукой. Звоницкий и сам видел, что дела плохи.

Прямо перед ними стоял деревянный топчан, накрытый каким-то тряпьем. На топчане лицом вниз лежал Коля Волгин – Глеб узнал его по одежде: джинсам и грязно-белой майке. Пол был земляным, темным и влажным. Пахло как на скотобойне или как в операционной – свежей теплой кровью. Она уже вытекла из тела доморощенного комиссара Каттани, но еще не успела свернуться на полу. На солнце она была бы темно-алой, а в полутьме сарайчика казалась почти черной.

Казиминова шагнула вперед. Дочка военного не привыкла отступать перед опасностями. Ее первым порывом было оказать помощь – может, еще не поздно?

– Яна, не надо! – успел сказать Звоницкий, но девушка уже тронула за плечо неподвижное тело. От этого небольшого усилия сторож свалился на пол. В воздухе тело перевернулось и упало на спину. Яна отшатнулась.

Теперь Коля Волгин лежал на полу. Его горло было располосовано от уха до уха, и потому казалось, что это такая улыбка – страшная. На полу рядом с трупом как ни в чем не бывало сидел Грязный Гарри. Причем сидел так, чтобы не запачкаться в крови. При виде хозяина пес поднял оба уха и весело замолотил хвостом по полу. «Глянь, хозяин, что я нашел! Правда, интересно?» – вот что было написано на его морде.

Глава 3

– Значит, вы утверждаете, что в сарай зашли случайно?

Звоницкий тяжело вздохнул. Ну сколько можно играть в эти игры?

– Нет, – твердо повторил Глеб Аркадьевич, – я такого не говорил. В сарай, где обнаружено тело Волгина, я зашел в поисках моей собаки.

– Это ваш пес? – уточнил следователь, кивая на Грязного Гарри. Щенок был крепко привязан к стулу, на котором сидел Звоницкий.

– Он самый, – вздохнул ветеринар. – Он сорвался с привязи и побежал обследовать участок. Незнакомые места, новые запахи... очевидно, он почуял запах крови и залез в сарай.

– Вы знакомы с убитым? – продолжал допрос следователь. Это был уже известный Звоницкому Эй Алыч. И хотя ветеринар уже знал, что зовут его Алексеем Михайловичем, предпочитал про себя именовать того по-старому.

– С убитым? Да как вам сказать. Виделся дважды. Один раз – когда приехал вчера утром. Он открыл ворота для моей машины. Второй раз – сегодня, примерно час назад. Я ни разу не разговаривал с Николаем Волгиным и ни разу не оставался с убитым наедине.

Давая показания, Глеб старался быть предельно точным. Он тщательно подбирал слова, зная, как легко можно наговорить лишнего в состоянии стресса и как трудно потом что-либо доказать и оспорить.

Они со следователем сидели на скамейке у дома. Со своего места Звоницкий прекрасно видел сарай. Там работали криминалисты. В темноте мелькали фотовспышки – место преступления необходимо было сфотографировать. Прибыл кинолог с немецкой овчаркой – к полному восторгу Грязного Гарри, это была крупная немолодая сука. Пес принялся рваться с поводка, и Звоницкому пришлось намотать ремешок на руку. Служебная собака осталась равнодушна к ухаживаниям Гарри. Овчарка смерила юного нахала усталым взглядом и скрылась в сарае вместе с кинологом.

Собака – это да, это было дельно. Звоницкий всегда относился с большим уважением к кинологической службе и к четвероногим профессионалам. Но не прошло и пары минут, как овчарка выскочила из сарая. Собака отчаянно чихала и тащила за собой кинолога – тот ругался почему зря.

Эй Алыч с интересом наблюдал за этой сценой.

– Кайенская смесь, – догадался Звоницкий. Смесь перца и табака использовали для того, чтобы сбить собак со следа. Старый, но оттого не менее эффективный способ.

– Разбираетесь? – вскинул брови следователь. Глеб Аркадьевич пожал плечами:

– Ну, я же все-таки ветеринар. Думаю, только эта штука способна привести служебную собаку в такое... нерабочее состояние.

Следователь продолжил допрос. Время шло, а Звоницкий все отвечал и отвечал на вопросы. Нельзя было не заметить – Эй Алыч свое дело знал, и если бы в показаниях Звоницкого были хоть какие-то нестыковки, следователь давно бы его прижал. Но Глеб Аркадьевич был перед законом чист, скрывать ему нечего... «Правду говорить легко и приятно» – кто же это сказал-то?

Вопросы вскоре начали повторяться – следователь просто по-другому формулировал их, и Глеб Аркадьевич понял, что близится окончание допроса.

Эй Алыч выглядел недовольным. Звоницкий прекрасно его понимал. Убийства в таком городке, как Злобино, случались нечасто. Скорее всего, местные правоохранительные органы привыкли иметь дело с типичной бытовухой – драки по пьяни, семейные разборки, проделки местной шпаны... А тут в один день – сразу два трупа. Причем оба криминаль-

ные. Неудивительно, что немолодой следователь нервничает – начальство с него стружку спустит, если что.

Ну, первое происшествие – одни сплошные загадки, а второе – еще хуже.

Даже на первый невнимательный взгляд становится понятно, что оба эти дела связаны между собой теснее некуда.

Вот в озере находят тело неизвестной девушки. Случайно, в общем-то, находят – если бы не Звоницкий со своими лебедями, оно, то есть тело, еще долго могло покоиться на дне.

Семейство Карауловых прекрасно знает – ну или догадывается, кто эта утопленница. Однако не произносит ни слова по поводу опознания погибшей.

Зато сторож Коля Волгин молчать не собирается. Вместе со своей женой Лидой он был свидетелем ссоры между убитой девушкой и Кириллом. Кстати, когда же это было-то? Видимо, давно – осенью или даже прошлым летом.

И вот Коля садится на свой мотоцикл с коляской и, несмотря на протесты и мольбы Лиды, мчится в полицию и выкладывает все, что знает.

Кстати, то, что Коля видел ссору, вовсе не означает, что он стал свидетелем убийства. За время работы в прокуратуре Звоницкий часто сталкивался с такими парадоксами. Человек – свидетель то есть – может быть на сто процентов уверен, что знает правду... а потом выясняется, что все было совершенно не так. Вот, к примеру, эта ссора на берегу озера между Кириллом и этой девушкой... как ее звали? Каролина, да.

«После того не означает вследствие того». Молодые люди могли всласть поругаться, Кирилл мог даже ударить девицу... Но дальше события могли развиваться по совершенно неожиданному сценарию.

К примеру, Кирилл удаляется в растрепанных чувствах, и тут на сцену выходит маньяк. А что? Громкие голоса и шум ссоры привлекли его внимание. Наблюдал, спрятавшись в каких-нибудь кустах. А когда увидел, что мужчина ушел, а девушка осталась одна плакать на берегу, выскочил и напал. Вполне, кстати, правдоподобно...

Или еще один вариант развития событий. Каролина вполне могла утопиться сама – некоторые женщины способны на что угодно, лишь бы назло любимому.

Или мог произойти несчастный случай – девушка, вся в слезах, брела по берегу, оступилась и упала в воду. Виском об корягу – и все, конец.

В общем, варианты развития событий могли быть самые неожиданные. Для этого и существует следствие – установить, какой из возможных сценариев имел место в реальности, и отбросить все остальные.

Ну, дело утопленницы – это только одна головная боль немолодого следователя, что сидел сейчас перед Звоницким и утирал вспотевшую шею платочком. Это дело можно было расследовать не торопясь – куда спешить, если жертва полгода как мертва.

Но убийство сторожа все усложнило. Конечно, Коля мог перерезать себе горло самостоятельно, не вынеся угрызений совести. Наверняка Лида устроила своему «дураку» сцену – обвиняла, что он с пьяных глаз донес на сына их благодетеля – человека, который дает им работу, кусок хлеба и крышу над головой. Пьющие люди обидчивы...

А может, сама сторожиха прикончила мужа? А что, в пылу ссоры схватила ножик. С самого утра Лида находилась в очень возбужденном состоянии. Женщины на грани нервного срыва способны на многое...

Но вероятнее всего, Коле Волгину просто-напросто заткнули рот, чтобы не болтал лишнего... А это значит, под подозрение попадают все члены семейства Карауловых. Ведь именно они были заинтересованы в том, чтобы их обожаемый «Кира» – кстати, что за дурацкое уменьшительное имя! – вышел на свободу как можно быстрее, пока пребывание в тюремной камере не нанесло непоправимого вреда его чувствительной натуре... А так – нет Коли,

нет проблемы. Показания сторожа некому подтвердить. Лида будет молчать как партизанка – во-первых, она гораздо умнее мужа, а во-вторых, явно не хочет стать следующей жертвой.

Получается, убийца достиг своей цели – заткнул свидетеля. Конечно, очень трудно представить, что Сергей Петрович Караулов крадется к сарайчику с ножом в руке... Или изящная Лара... Или толстячок Василий...

Так что у следователя, как говорят в Одессе, «большая головная боль». Карауловы – люди уважаемые. Как там сказал про себя Сергей Петрович? «Не последний человек в этом городе»?

Что ж, теперь Эй Алыч должен найти подходящую кандидатуру на роль убийцы. И пусть заезжий ветеринар – это не тот, кого он ищет... Попробовать все равно стоит, правда?

Звоницкий отвечал на каверзные вопросы следователя – и ни разу не запнулся, не сбился. Он, конечно, сочувствовал следователю, но не собирался давать ему никаких зацепок. Нет, дорогой, ищи настоящего убийцу...

Между тем криминалисты в сарае заканчивали работу. Звоницкий отметил, что техническое оснащение у них отличное, современное, а следственная группа достаточно велика. Видимо, это Злобино не такая уж дыра, как можно было подумать...

Звоницкий подписал протокол и уступил место на скамейке Яне Казимировой. Девушка вызвала у следователя куда больший интерес, чем ее шеф. Видимо, со своим клыком в ухе Яна казалась подходящей кандидатурой на роль убийцы. Но вскоре Алычу пришлось признать, что и эта столичная штучка ни при чем. Во владениях господина Караулова девушка провела не больше полутора часов, причем даже не заходила в дом. Ни с кем из здешних жителей знакома не была, до сегодняшнего дня вообще не бывала в Злобине... В общем, вскоре и Яну отпустили.

Тут как раз подъехала «Скорая». Санитары с носилками протиснулись в сарайчик.

Ветеринар и ассистентка мрачно наблюдали, как тело Коли Волгина выносят на носилках и грузят в машину. Неподалеку рыдала Лида:

– Говорила же я ему: сиди тихо, молчи! Так нет, полез куда не надо... Ой, дурак, дурак, чего же ты наделал...

– Шеф, когда мы наконец сможем уехать? – сиплым голосом спросила Яна.

– Сейчас, потерпите немного, – ответил Глеб Аркадьевич. – Следователь скажет, что мы можем ехать... И только нас и видели.

– Ну и городишко, – сквозь зубы процедила Яна. – Зачем вас только сюда понесло, шеф... Извините, конечно...

У Глеба Аркадьевича даже не было сил оправдываться. «Скорая» уехала. Между тем у следователя зазвонил мобильный – исполнил знаменитую тему из фильма «Бумер». Эй Алыч взял трубку, переменялся в лице и даже встал со скамейки – видимо, звонило вышестоящее начальство. Ветеринару чрезвычайно не понравилось, что во время разговора Эй Алыч несколько раз посмотрел в его сторону. Не хотелось бы новых неприятностей – и это после того, что уже пережито за этот день...

И точно – следователь покопался в своем стильном кожаном портфеле и извлек какие-то бумаги. Держа их в руке, поманил Звоницкого пальцем.

– Шеф, чего это он? – заволновалась Казимирова. – Чего еще ему от нас надо? Я сказала все, что знаю, честное скаутское!

Глеб Аркадьевич подошел к следователю. Поминутно облизывая губы и стараясь не смотреть ветеринару в глаза, тот протянул знакомый бланк и строго сказал:

– Подпишите.

Звоницкий взял бумагу и пробежал глазами. «Не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя, прокурора или суда; в назна-

ченный срок являться по вызовам дознавателя, следователя, прокурора и в суд; иным путем не препятствовать производству по уголовному делу...»

Это был стандартный бланк подписки о невыезде. Точнее, «Подписки о невыезде и надлежащем поведении» – так называется этот документ. Статья 102 Уголовно-процессуального кодекса.

Звоницкий поднял на следователя полный изумления взгляд.

– Я что, обвиняемый по этому делу? – уточнил Глеб Аркадьевич.

Эй Алыч облизнул губы и процедил:

– Пока только подозреваемый.

Звоницкий смотрел во все глаза. Такого нарушения процедуры он не встречал ни разу за все время своей работы. Подписка о невыезде как мера пресечения вообще не применяется в отношении лиц, которым вменяются тяжкие и особо тяжкие преступления. А убийство именно к таким и относится. Так что юридической силы эта бумажка не имела. Единственное, что она могла, – запугать юридически неграмотного свидетеля. Дескать, ты теперь не свидетель, ты подозреваемый, а там и до обвиняемого недалеко...

Однако документ был составлен как полагается – в левом верхнем углу бланка город, в правом – сегодняшняя дата. Текст написан от первого лица. «Я, Звоницкий Глеб Аркадьевич...» Место проживания, телефон... Позвольте?! Откуда им известно? Ах да! Ведь еще сегодня утром ветеринар сообщил следствию все свои данные... «До окончания следствия не покидать... В случае неисполнения наложенных ограничений могут быть применены более строгие меры пресечения, предусмотренные статьями 97, 99 и 110 УПК РФ».

То есть все время, пока Эй Алыч допрашивал Звоницкого, эта бумажка, тепленькая и готовенькая, лежала у него в стильном портфеле. Всего один телефонный звонок – и бумаге дали ход. Интересно получается...

Вообще-то Звоницкий тоже может сделать телефонный звонок, ну, может, не один – одним тут не обойдешься... Но парочку. После чего начальство Алыча позавидует ужю на горячей сковородке. У Глеба еще сохранились старые связи.

Вот только надо ли суетиться? Судя по всему, этот островок Дикого Запада на подмосковной земле возник не вчера и завтра тоже никуда не исчезнет. У Алыча есть начальство, а у этого начальства наверняка есть высокие покровители. Коррупция и круговая порука – такое не устранить телефонным звонком. Даже двумя. Так что Звоницкий только даром потратит свой козырь в рукаве. Пока местные не знают о связях Глеба. Для них он просто ветеринар... Пусть так будет и дальше.

– Подпишите! – сурово проговорил Эй Алыч.

Звоницкий взял ручку и задержал бумагу в руке. Он все еще колебался.

Это был момент выбора. Сейчас еще можно было повернуть назад. Отказаться подписывать филькину грамоту. Сесть в машину и уехать в Москву. А там поднять телефонную трубку и сказать: «Дмитрий Васильевич, тут со мной такая странная история произошла... Представляете, поехал это я на недельку отдохнуть...» И все! Все проблемы для Звоницкого будут в прошлом. Коррупцированные провинциалы останутся локти кусать. Руки у них короткие до Звоницкого дотянуться... А местным оборотням в погонах он вообще не по зубам.

Но была у Глеба парочка идей... Во-первых, кто знает, что придет в голову этим уродам, судя по всему, давно потерявшим чувство реальности? Еще остановят на лесной дороге, подкинут наркоту и сунут в «пресс-хату». К таким играм ветеринар не был готов.

А второе соображение – оно даже перевешивало первое – было таким. Звоницкому было интересно посмотреть, куда заведет это дело. Ведь началось оно именно с того, что немолодой ветеринар полез в озеро... Получается, часть ответственности лежит на нем. Сергей Петрович, конечно, не последний в городе человек... Но, судя по всему, у него крупные

неприятности. И если Звоницкий сможет чем-то ему помочь, он почувствует, что поступил правильно. Господин Караулов, кажется, не имел дела с правоохранительной системой, а значит, он не знает, что его ждет. Что ж, пожилой хозяин дома явно нуждается в помощи.

Для Звоницкого это будет своего рода игра – шахматная партия. Самому ему ничто не угрожает – при условии, если вести себя умно, не дразнить органы, не показывать свою осведомленность и вообще соблюдать правила безопасности. Итак, решено. Играем.

Звоницкий поднес было ручку к бланку, потом замер на минуту, испытывая терпение следователя.

– Скажите, пожалуйста, – тоном обеспокоенного обывателя поинтересовался Звоницкий, – вот тут указан город Злобино... В смысле, что я не могу его покидать. И даже сказано, что у меня временная прописка.

– Ну и что? – нелюбезно отозвался следователь.

– Но ведь... место моей прописки – город Москва! А никакой временной прописки в вашем Злобине я не оформлял...

– Это вас не должно волновать, – снисходительно ответил Эй Алыч. – Следствие разберется в этом деле, и поедете себе спокойненько в свою Москву.

Звоницкий совсем уже было поднес ручку к бумаге, но снова замер.

– А вот скажите, если я подозреваемый... хотя я, разумеется, ни в чем не виноват... сколько мне тут торчать? У меня, знаете, работа, семья...

Алыч растянул губы в фальшивой улыбке.

– Да вы не волнуйтесь, подписывайте. Это просто формальность. На самом деле вас никто долго здесь держать не будет. Думаю, мы за несколько дней с этим делом разберемся. Городок у нас небольшой, все люди на виду...

– Ага, понял...

Звоницкий поставил наконец подпись, и следователь с видимым облегчением убрал бумагу в портфель. Теперь Звоницкий был у него в руках. Если кому-то в этом городишке захочется сделать ветеринара козлом отпущения, ничто не помешает это проверить.

Звоницкий знал, что у него есть ровно десять суток. По истечении этого времени ему должно быть предъявлено обвинение либо подписка будет отменена. Но вряд ли кто-то будет ждать так долго. Скорее всего, решение будет принято раньше.

Звоницкий не верил в то, что его выберут на роль убийцы. Он был приезжий, чужак. Человека со стороны трогать опасно. А что, если у него влиятельные знакомые? Или родственники в системе? Или брат – известный адвокат?

Нет, эта самая подписка была нужна для того, чтобы дать местным время навести справки, в том числе и о нем, Звоницком.

– Вас вызовут повесткой! – сообщил Эй Алыч. Как жених после брачной ночи, он уже потерял к ветеринару интерес – в конце концов, тот сделал что от него хотели.

– Конечно-конечно! – приятно улыбнулся ветеринар.

Когда следователь отошел, Глеб Аркадьевич вернулся к Яне Казимировой. Девушка нетерпеливо вертела на пальце брелок с ключами от машины, а Грязный Гарри рвался с поводка – он вообще не мог долго сидеть на одном месте.

– Ну что вы так долго, шеф, поехали уже!

Звоницкий вздохнул:

– Яна, к сожалению, я остаюсь.

– Что-о?! – вытаращила глаза ассистентка.

– Яна, я только что дал подписку о невыезде. Я подозреваемый в этом деле.

Казмирова присвистнула:

– Они что, вообще тут офонарели? Думают, вы перерезали глотку этому мужику?! Давайте я им скажу все, что думаю!

Звоницкий ухватил девушку за рукав:

– Стоп! Яна, вы никуда не пойдете. Свои соображения держите при себе. Немедленно хватайте подмышку Гарри и уезжайте.

Казиминова сложила руки на груди жестом Наполеона и решительно заявила:

– Я никуда не поеду. Раз вы остаетесь, то и я тоже. Вдруг вам потребуется моя помощь...

Вот об этом Глеб Аркадьевич не подумал. Он совершенно не собирался втягивать ассистентку в свои опасные игры. Но девушка была удивительно упряма.

– Ладно, – мрачно произнес Звоницкий. – Раз вы не слушаетесь моих распоряжения... я вас увольняю!

– Чего?! Меня?! – Казиминова ядовито усмехнулась. – Да вы что, шеф? Забыли, как два года искали нормального ассистента?

– Мне все равно. Я вас уволил, и точка. Расчет получите, когда вернусь в Москву!

Звоницкий умел быть не менее упрямым. Он не собирался подвергать опасности жизнь этой девочки.

Казиминова с минуту в полном изумлении смотрела на босса, потом присвистнула:

– Поняла! Это вы решили снова вляпаться в какие-то криминальные разборки! А-а, хотите найти убийцу! А может, даже провести собственное расследование насчет той утопленницы: кто ее все-таки прикончил, да? Поэтому и отправляете меня в безопасное место... Спасибо, шеф, очень с вашей стороны благородно. Только я вас не брошу. И никуда не уеду. Можете меня пинками гнать, если не стыдно.

Звоницкий в полном бессилии смотрел на девушку.

– Кстати, шеф! – продолжала Яна. – Вы не забыли, почему здесь оказались? Потому, что спасли того ретривера, да? Джерри. Как же, помню. А помните, кто вам расширители держал и рану изолентой заклеивал? Так что вы права не очень-то качайте. Стоит мне напомнить хозяину дома, кто его собаку спасал, и он меня тоже пригласит погостить.

– Яна, нельзя быть такой бессердечной! – всерьез рассердился Звоницкий. – Ваше поколение вообще для меня загадка! Вы хоть к чему-то на свете относитесь серьезно?

– Относимся, – тряхнула волосами Казиминова. – К тому же, к чему и ваше, шеф. К любви, смерти и деньгам!

Глеб Аркадьевич невольно усмехнулся. Он ценил свою ассистентку не только за профессиональные качества, но и за острый язычок. Ему нравилось, что девушка, несмотря на подчиненное положение, позволяет себе быть с боссом на равных. Правда, следовало признать – Яна почти никогда не переходила невидимую черту и не злоупотребляла своим «особым» положением.

– Между прочим, я не собираюсь оставаться в этом доме, – сказал ветеринар.

– Где же вы будете жить? – фыркнула девушка. – В машине?

– Поеду в город, найду какую-нибудь гостиницу. Хоть одна должна быть в этом Злобине?

– Дорогой Глеб Аркадьевич, об этом не может быть и речи!

Звоницкий вздрогнул и обернулся. У него за спиной стоял Василий. Толстячок подошел так неслышно, словно кот на мягких лапах. Караулов слегка поклонился Яне и произнес:

– Нас предупредили, что вам пришлось задержаться в нашем городе до окончания следствия. Так что папа приглашает вас провести это тяжелое время в нашем доме. Ни о каких гостиницах не может быть и речи!

Яна и ветеринар переглянулись.

– Да, кстати, ваша спутница тоже может остановиться у нас. Места много, свободных комнат предостаточно...

Звоницкий бросил быстрый взгляд на Яну. Ассистентка, пользуясь тем, что Василий ее не видит, показала боссу язык. Да, эту девушку лучше иметь перед глазами, а не за спиной. Кто знает, что может натворить эта своевольная особа, если за ней не приглядывать...

– Хорошо! – решительно заявил Звоницкий. – Мы принимаем любезное приглашение Сергея Петровича.

Солнце клонилось к закату. Семья Карауловых и гости сидели на террасе, две девушки в передничках – Катя и Маша – разливали чай. Чай был ароматный, настоящий китайский. Чашки старинные, тонкого фарфора. Вечер был тих и прозрачен. Даже комаров еще не наблюдалось в теплом воздухе. В общем, настоящая идиллия, картинка из усадебного быта двадцать первого века... Если бы не события сегодняшнего дня.

Одно место за столом пустовало, и глаза присутствующих то и дело останавливались на месте, где должен был сидеть Кирилл Сергеевич.

Хозяин дома держался лучше, чем можно было предположить. Не верилось, что сегодня во владениях Сергея Петровича найдены сразу два трупа, а любимый младший сын отправлен на нары по подозрению в убийстве. Караулов-старший курил толстую сигару, делавшую его удивительно похожим на Уинстона Черчилля – ну, или на бульдога, если бы тому вдруг вздумалось выкурить сигару.

А вот Василий перенес события сегодняшнего дня куда хуже, чем его пожилой отец. Маленький мужчина был совершенно потрясен и раздавлен арестом брата. Руки Василия дрожали так, что фарфоровая чашка звякала о блюдце. В тишине этот звук царапал по нервам, и без того натянутым у всех собравшихся. Так что, когда Сергей Петрович наконец прикрикнул на сына, никто не удивился.

– Прекрати! – приказал хозяин дома, и Василий трясущейся рукой поставил чашку на стол. Супруга погладила его по плечу. Лариса была такой же, как всегда. Она даже подмазала губы, выходя к вечернему чаю. Казалось, случившееся не оставило на ней никакого следа.

Яна Казиминова сидела тихо, как мышка. По просьбе шефа девушка вынула из уха свой кошмарный клык и сменила камуфляжные штаны на более приличную одежду. Ветеринару и его ассистентке порой приходилось выезжать на вызовы, иногда за город, поэтому оба возили в машинах запасной комплект одежды. В случае Яны это были джинсы и белая футболка. Так что Казиминова выглядела скромно и вовсе не агрессивно.

Под стулом Яны примостился Грязный Гарри. Сначала пса хотели запереть в комнате наверху, но негодяй поднял такой вой, что от этой мысли пришлось отказаться. Взаперти сидел Джерри, золотистый ретривер хозяев дома.

Почти сразу выяснилось, что два кобелька вряд ли найдут общий язык – пусть даже и собачий. Громадный участок оказался слишком мал для них двоих – ну совершенно как в вестернах. Джерри с полным основанием считал территорию своей, и появление непрошеного гостя очень его удивило. Грязный Гарри вообще считал, что весь мир принадлежит ему – такая вот большая игровая площадка. Так что после взаимного облаивания и попыток друг дружку покусать Джерри пришлось отправиться под домашний арест, а Грязный Гарри торжествовал победу. Он развалился под стулом Яны и временами принимался шумно чесаться. Звоницкий сгорал от стыда и принимался покашливать или двигать стул, чтобы заглушить эти отвратительные звуки. Глеб Аркадьевич прекрасно знал, что никаких блох у Гарри нет – очень чистая и ухоженная собака, просто выглядит так, будто только что валялся в репейнике. Но легче не становилось.

– Мне безумно жаль, что вы оказались втянуты в наши неприятности, дорогой Глеб Аркадьевич! – нарушил тишину хозяин дома.

– Мне тоже очень жаль, – абсолютно искренне ответил Звоницкий. – Но, боюсь, от нас здесь мало что зависит.

– Мне, конечно, жалко Николая, – вступила в разговор Лара, – но он ведь сам виноват! Ну кто просил его встречать со своими показаниями! Тоже мне, свидетель нашелся... По моему, большую часть времени он был просто пьян.

– Замолчи, Лариса, замолчи, бога ради! – простонал Василий.

– А что? – не сдавалась блондинка с шоколадными глазами. – Разве я не права? Для всех было бы лучше. И сторож был бы жив, и Кира сейчас был бы с нами.

– Давайте не будем об этом, – рассеянно, сквозь дым сигары, негромко произнес Караулов-старший.

Некоторые время все молчали – слышалось только агрессивное почесывание Грязного Гарри да далекие гудки машин.

Но мысли всех сидящих за столом помимо воли возвращались к событиям сегодняшнего дня.

– Не понимаю, почему Кира не мог расстаться с этой Каролиной по-доброму! – не выдержала Лариса. – Зачем все это было нужно – ссоры, крики... покойный сторож даже утверждал, что Кира ее душил... никогда в это не поверю!

– А кто она была, эта девушка? – спросил Звоницкий. Все равно не имело смысла вести светские разговоры на посторонние темы, раз все думали об одном и том же – о сегодняшних убийствах.

– Она была невестой моего сына, – отозвался Караулов-старший. – Красивая девушка, очень эффектная. Кириллу нравились именно такие – яркие, самостоятельные...

Василий втянул голову в плечи, точно черепаха, и бросил быстрый взгляд на Лару. Та передернула плечами:

– Да, девушка бойкая, весьма современная... одевалась исключительно! Умела себя подать. Не терялась ни в какой компании... Особенно в мужской. – Тут Лара стрельнула глазами на свекра.

Караулов выпустил клуб ароматного сигарного дыма и произнес:

– Яркая девушка. Они с Кирой были хорошей парой. Оба высокие, красивые...

Сергей Петрович закашлялся – видимо, дым попал в горло. Все тактично отвели глаза.

– А чем занималась Каролина? – не унимался Глеб Аркадьевич.

– На радио работала, вместе с моим братом, – глухо отозвался Василий. – Кирилл – ведущий на «Радио-«Зеркало», и Каролина работала вместе с ним. Собственно, он ее туда и устроил.

Звоницкий иногда настраивал приемник в своей машине на волну «Зеркала». Ему нравилось это радио – пожалуй, чересчур высоколобо-интеллигентное для того, чтобы быть всенародно любимым, чуточку снобистское – недаром оно было названо в честь шедевра режиссера Тарковского – но лишь самую малость. Дикторы на этой волне были приятные – с грамотной речью, никакой каши во рту и «привет, девчонки!», с отличным произношением, если попадалось иностранное слово или целая фраза. Возможно, и Кирилла Глеб Аркадьевич слышал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.